

Игорь Фурсов

Мастер боли

Игорь Фурсов

Мастер боли

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24715952

ISBN 9785448542275

Аннотация

Умереть, чтобы, воскреснув, обрести силу, силу владения болью, силу защищать и наказывать. Человечество, признано неуспевающим учеником, но ему дан шанс.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	19
Глава 4	26
Глава 5	32
Глава 6	39
Глава 7	47
Глава 8	53
Глава 9	61
Глава 10	67
Глава 11	71
Глава 12	76
Глава 13	82
Глава 14	90
Глава 15	98
Глава 16	105
Глава 17	112
Глава 18	118
Глава 19	125
Глава 20	132
Глава 21	140
Глава 22	148
Конец ознакомительного фрагмента.	150

Мастер боли

Игорь Фурсов

© Игорь Фурсов, 2017

ISBN 978-5-4485-4227-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Кажется, что я пришёл в этот мир бесконечно давно. События что происходили раньше, стёрлись и потускнели. Я не помню многих, с кем дружил и общался, они все остались, где то там далеко во времени. Только одно меня сопровождает всю жизнь, это-боль. Боль поселилась внутри меня и никогда не покидает меня. Она где-то на краю сознания, и вдруг выскакивает и начинает терзать меня, как голодный зверь, треплет только что убитую жертву. Но и это не предел, страшнее физической боль душевная, описать её, наверное, невозможно, нет таких физических величин. Она как кислота разъедает меня изнутри. Сколько раз я молил Создателя, что бы он прекратил мои муки и прекратил моё существование, пусть в Ад, думаю, Рая я не достоин. Но оказалось, что все мои предыдущие мучения лишь прелюдия к настоящей симфонии боли.

Вадим подходил к двери своей квартиры, когда на него обрушилось это. Из последних сил он ввалился в квартиру и хлопнул дверь. Водопад боли, выворачивающий душу и тело наизнанку, обрушился на него, но сознание не желало гаснуть. Боль была величиной во вселенную. Казалось не было клетки, которая не вопила бы в ужасе расставания с действительностью. Вадим понял, что это всё, и скоро он отправится в страну вечной охоты. Одна мысль радовала, что

он один, родители ушли туда ещё восемь лет назад, а девушек у него не было, эта постоянная боль была страшной любовью, отвращающей меня от этих эфемерных созданий. Значит некому будет горевать о нём. Холодный кулак сжал сердце и всё померкло во тьме.

В квартире у закрытой двери билось в агонии тело. Выгибалось и скручивалось, хриплое дыхание вырывалось из надсаженного горла. Синие канаты вен оплели голову и обнажённые кисти рук. Равнодушная тишина наблюдала за последними минутами умиравшего тела. Вот последние судороги сотрясли тело, застыла грудная клетка и расслабились судорожно сведённые мышцы. Тело обмякло и застыло, тишина тихо обволокла бранные останки, сглаживая черты лица. Время как размеренно текло, не замечая произошедшей трагедии. Уж минуло минут двадцать, как тело опять вздрогнуло, отпугнув недовольную тишину. Тело село, откинув голову на стенку, бледное до синевы лицо, исказилось и распахнулись ГЛАЗА. В них полыхало бешенство, гнев, ярость, но не было ненависти. Затем это адское пламя глаз ушло куда-то в глубь, слегка подсвечивая зрачки.

Внезапно Вадим пришёл в себя, НИЧЕГО НЕ БОЛЕЛО. Он стал с недоумением рассматривать разбитые в кровь кулаки. В душе клокотал такой пожар, что можно было бы заново сжечь всю Москву. Таких чувств он никогда не испытывал. Легко поднялся и зашёл в ванную. Смыл кровь с рук и обработав их йодом, умылся холодной водой. В зеркало

на Вадима смотрело его бледное лицо, начинавшее уже розоветь. Пожар в груди не унимался, странный он был какой-то с натающим ледяным комком в середине. Непонятное чувство гнало Вадима из квартиры с такой силой, что не было сил этому противиться. Он не стал сопротивляться, решил посмотреть, куда приведёт.

За спиной замком щёлкнула дверь. На площадке перед ним, он видел каждую пылинку, и это он не снимавший очков. Ступени привели его в холл подъезда. Консьержка хотела что-то сказать, но увидев что-то в его глазах, осеклась, прижав кулак к губам. У окошка привратничкой стояла соседка, жившая этажом выше, с характером стервы высшей категории. Портя жизнь соседям, она видно получала энергетическую подпитку. Вот и сейчас она захотела получить кусочек Вадима, начав визгливым голосом высказывать все, что она думала о нём. Вадим не обращая внимания на неё прошёл, просто от неё отмахнувшись. Когда дверь подъезда начала закрываться к небесам вознёсся вопль боли смешанный со страхом. Думаете, он вернулся посмотреть, что произошло, ничего подобного. Внутренний компас вёл его в строго определённом направлении, отсекая все внешние раздражители. Когда он переходил дорогу по пешеходному переходу на зелёный огонёк, раздался визг покрышек скользивших, оставляя след, и перечёркивающий зебру. Мимо него, обдав солярным выхлопом боком проскользил, чёрный «Гелентваген». Хлопнули двери и из него вывалились пья-

ленькие бычки, нонешня золотая молодёжь. Вадим, не обращая на них внимания, двигался, словно притянутый магнитом к какой-то цели. Кто-то дёрнул его за плечо, разворачивая вправо. Вадим поднял глаза, сквозь пламя, полыхавшее в них, увидел одного из бычков.

– «Ты чо быдляк, охренел совсем. А если бы я об тебя попортил радиатор? Ты чо не видишь куда прёшься? Пропустить было в падлу? Кстати, с тебя стольник баксов, мне теперь салон от пива чистить. Ну ты чо молчишь, козёл?»

Он молча посмотрел на него, тот вдруг съёжился и стал отступать.

– «Ладно, мужик ладно, мы поедем?»

Его силуэт стал затягиваться пламенем, окутывая не только его, но и его собутыльников. Потом резко развернувшись, Вадим двинулся к своей неизвестной цели. От машины донёсся крик боли. Но и это его уже не интересовало, он должен был скорее добраться туда, куда его тянул зов. Вадим шёл по улицам, был ясный день суббота, народу было очень много. Но вокруг него, в пределах двух метров не было ни одного человека, это пустое пространство смещалось вместе с ним. Странно, но все встречные люди старались не смотреть на Вадима, хотя у него была порвана и испачкана кровью одежда. Он не знал, сколько так шёл, но путь закончился у небольшого храма. Вадима страшно туда тянуло, в то же время, что-то мешало пройти и завершить столь длинную дорогу. Он закрыл глаза и пересилив себя шагнул во вход,

в душе поднимался какой-то страх и мелькали какие-то тени в закрытых глазах. Один, другой шаг, сопротивление нарастало, было ощущение сильного ветра противостоящего ему. Вадим шёл, преодолевая сопротивление. И вот, в какой-то момент, прорвав плёнку, он ощутил свободу души и облегчённо вздохнул и открыл глаза.

Сумерки внутри храма, почему-то показались, какими-то домашними, уютными. Лики святых, с икон как кивали Вадиму, приглашая поделиться трудностями. Алтарь звал, обещающая очищение души от скверны. Но рано ему было предстать пред ликом Спасителя. Сбоку выдвинулась фигура служки, но глянув на Вадима, опять растворилась в сумраке. Сзади послышалось старческое покашливание. Он оглянулся, к Вадиму подходил старый монах с лицом достойным иконы. Подойдя к Вадиму, старец долго вглядывался в его лицо. Пламя, что закрывало взгляд, когда смотрел на соседку и этих бычков, исчезло неизвестно куда. Странно, но Вадиму становилось всё легче и легче. Затем старец сказал совсем не много.

– «Тяжкий крест на тебе, но он не по силам крест не даёт. Много будет тебе дано, но и многое будет спрошено. Первое испытание ты уже прошёл, придя сюда, но впереди будет ещё много испытаний. Делай всё по совести и воздастся тебе, а теперь прости, тяжко с тобой рядом. Не помни зла, отмеченный свыше»

Затем он развернулся, чтобы уйти, вдруг опять остановил-

ся и снова обратился к Вадиму.

– «Окажи помощь страждущим, ступай за мной»

Он двинулся к двери, расположенной сбоку. Открыл её и пригласил Вадима выйти. Они прошли по внутренним переходам, затем вышли в сад, что находился позади храма. Прошли по дорожке, ведущей к двухэтажному зданию, от которого веяло страданием. Монах не оглядываясь, открыл дверь и вошёл внутрь. Вадим последовал за ним и оказался в церковном хосписе. Они стояли в небольшом холле, из которого шёл коридор с маленькими комнатами по обе стороны. В самом холле стояло несколько кресел, в которых сидели люди разного возраста. Монах, не поворачиваясь к Вадиму, сказал.

– «Здесь люди земные дни, которых сочтены. Мы стараемся облегчить их страдания»

Присмотревшись к людям, сидящим в креслах, Вадим увидел, что они как бы окаймлены пламенем, похожим на то, что было в его глазах. Не сознавая, что делает, Вадим потянулся к ближайшему из сидевших и втянул его пламя в себя. Как ни странно, но Вадиму полегчало, а сидевший вдруг встрепенулся. Он с недоверием стал себя ощупывать, потом поднял глаза на монаха.

– «Отче, моя боль пропала, совсем пропала. Что это, отче?»

– «Всё в руках Создателя, истинно верующим воздастся»
На Вадима накатил гнев, причём тут Всевышний, если это

сделал он? Развернувшись, Вадим пошёл на выход. Монах тоже пошёл вслед за ним. Уже на улице, он опять окликнул Вадима.

– «Подожди, ты обиделся на меня, за то, что ты сделал, а я приписал Всевышнему?»

Вадим хрипло вытолкнул из горла.

– «Допустим»

– «Не стоит, не давай твоему тщеславию овладеть тобой.

Да и не сильно я отступил от истины, если бы он этого не хотел, то ты был бы обыкновенным смертным. Создатель нуждался в инструменте, и он его создал. Кто мы такие что бы, считать себя равными ему, а не его помощниками?»

Вадим опять остановился, что-то было сказано правильно. Значит он инструмент его, правда для каких задач, быть Целителем, тогда как понимать ту боль, что он подарил бычкам и соседке, значит ещё и функция кары ему присуща. Вадим поклонился монаху и повернувшись прошёл на улицу. Денег с собой естественно он не взял, они остались в барсетке, как и банковские карточки, поэтому пошёл домой пешком.

Глава 2

Карен Мартивосян был жёстким человеком, но таким его сделал бизнес. В бизнесе нет друзей и знакомых, даже родственники были включены в его расчёты. Вот и сейчас он инструктировал своего начальника безопасности, заодно исполнявшего для него функции чёрного коллектора, о работе с ещё одним должником. Правда, этого человека Карен сам сделал должником, вначале дав в долг, а затем через своих людей в мэрии сорвав торги на тендере. В результате получалась двойная прибыль, мало того что он получил таким образом жирный подряд, так он получал и всё имущество должника и фирму, и квартиру, и машину. Он вспоминал старый советский фильм «Вождь краснокожих» новеллу «Дороги, которые мы выбираем», да действительно «...Боливар не вынесет двоих...». Именно просмотрев этот фильм, он понял волчьи законы леса, называемого бизнесом, а Акула-Джонс его героем.

В этот момент позвонил один из двух людей, что для Карена были вне классификации, его жена.

– «Карен, у нас беда, Армен в больнице. Он в коме, врачи говорят, что был болевой шок. Правда сказали, что всё восстановится. Я заплатила главврачу и Армен лежит в отдельной палате и постоянно под присмотром»

– «Марине, что произошло? Какие у него повреждения?»

– «Никто ничего не понимает, на теле нет ни одной царапины. Кстати, Ашот и Салех Кабиргиримовы, с которыми Армен катался по городу, тоже в той же больнице и с таким же диагнозом»

– «Они что разбились на машине?»

– «Нет, машина тоже цела. Она сейчас во дворе РУВД»

– «Но всё же что произошло? Ладно, подключу свои каналы, сам всё узнаю. Вечером заеду в больницу посмотрю, что там»

Карен, потёр лоб, вытирая выступившую испарину. Потом, замолчал, уставившись в стол взглядом. Так он просидел минут десять, потом вздохнул и поднял глаза на начальника безопасности.

– «Ваха, мне нужны люди из МВД, что бы выяснить детали одного дела. Есть такие?»

– «Конечно есть, а что нужно узнать, почему спрашиваю, что бы понять кто нужны прокурорские или серьёзные следы»

– «Сын в больнице, в коме после болевого шока, никто не знает причины. Это надо выяснить»

Начальник кивнул головой и попросил разрешения связаться с людьми. Карен просто махнул ему рукой, отпуская. Буквально через двадцать минут, позвонил Ваха и сказал, что есть пара серьёзных «следаков» готовых отработать заказ. Карен распорядился, что бы те начинали сразу и дал задание бухгалтерии оплатить аванс сразу. На следующий

день Ваха попросил встречи для отчёта о работе. Выяснилось, что на пешеходном переходе сын чуть не сбил странного парня, в разодранной и окровавленной местами одежде. Парень не притронулся к сыну и даже не сказал ни слова. Одна из бабулек, сидевшая на остановке, сказала, что парень только глянул на Армена и пошёл дальше, ещё она сказала, что Армен после взгляда отскочил к машине, после чего упал с криком, как и другие его друзья. Сердобольные граждане вызвали полицию и «скорую помощь». Следаки обшарили всё вокруг и выяснили, что в этот же день в приёмный покой была доставлена женщина с таким же диагнозом, что у Армена. Они опросили консьержку, где жила эта пострадавшая женщина и узнали что одинокий парень живущий на третьем этаже в однокомнатной квартире, проходя глянул на соседку, после чего той и стало плохо. Кстати, парень был в изодранной и окровавленной одежде.

Ещё консьержка рассказала, что глянув в глаза парня, она увидела в них Ад. Вот так и никак иначе. Парня звали Вадим, он был совсем одинокий, не было даже девушки. Работал он в проектном бюро какого-то государственного предприятия, был всегда тихим и вежливым, правда раньше в глазах его читалось страдание. Так же они проследили, куда ходил парень, это оказался старинный Храм Вознесения Господня, там он пробыл где-то около часа, после чего вернулся домой. Карен, действительно накануне вечером съездил в больницу, сын продолжал находиться в коме, но врачи успокоили

его, сказав, что скоро кома прекратится. Странный парень не выходил у Карена из головы, тем более он так или иначе был виновен в страданиях второго самого близкого человека, а этого он не прощал никому с весёлых 90-х. Помнится какая-то бригада решила взять в заложники его жену, это была последняя глупость, которую они совершили, с бригадира сняли кожу, с живого, а торпед просто закопали, тоже живьём. Он напряг Ваху, собрать всю доступную информацию, об этом парне, решив принять решение о судьбе парня позже. У него был принцип, принёсший ему, пусть даже неосознанно, беспокойство, просто исчезал из этой жизни. Просто от прадеда Карену передался дар предчувствия, слабенького, но всё же уже не раз его спасавшего.

Прошла ещё неделя и на стол Карену легла папка с жизнеописанием Вадима, пока он знакомился с ней, его предчувствие прямо кричало, что этот парень просто уничтожит не только его, но и всё что он с таким трудом создал. Вот уже второй день он сидел и думал как ему поступить, просто когда он дочитал, всё внутри него обречённо кричало о скором конце. В предчувствиях, не было даже намёка на спасение, такое впечатление, что ему прислали карающего ангела и это высасывало все силы. Сын и правда пришёл в себя, но не помнил ничего что бы предшествовало коме, такое впечатление что у него стёрли из памяти целый день. У друзей сына была такая же картина, так что было не понятно что произошло. Почему трое крепких, здоровых парней впали

в кому от болевого шока. Но он недаром был бойцом и не собирался сдаваться непонятно чему. Был вызван Ваха и парень должен был исчезнуть из мира живых. Карен и парень не могли жить в одном мире, кто-то должен был уйти.

Ваха, предложил нанять наркошу, за дозу малую готового на перо посадить собственную мать. Тем более был такой, его Вахины бойцы в своё время, посадили на иглу, чтобы его мать продала Карену свой строительный бизнес, вполне процветающая средняя фирмочка. Теперь этой фирмочкой руководил вахин брат, руководил очень жестоко. Любой имевший несчастье наняться работать в эту фирму становился рабом и уйти мог только вперёд ногами. Вот и можно было подослать этого конченного четырнадцатилетнего мальчонку, сунуть этому парню перо в печень, потом «золотой укол», мало ли в Москве таких находят. Но всё же Карен очень хотел понять, что же произошло, вот Ваха и получил отмашку опять привлечь сыскарей, для получения более расширенного жизнеописания Вадима. Срок был определён в ещё неделю.

Через неделю Карен уже знакомился с более подробной историей жизни Вадима. Из этой истории было понятно, что Вадим болел неизвестной болезнью. Его всю жизнь с трёх лет мучали боли. Причём у него похоже не было органа который не испытывал постоянных болевых ощущений. Болеутоляющие лекарства Вадим потреблял тоннами, правда, до наркотиков дело не дошло. Лечение, которое на нём опробовали,

было не эффективным, причина же была чисто психологическая. На трёхлетнего Вадима напал ротвейлер, спущенный хозяином с поводка. Шок был настолько силен, что целый год после этого случая, он молчал. Речь вернулась, а вот психологические боли с ним остались навсегда.

Была и ещё интересная информация, две недели назад, именно тогда когда произошло несчастье с Арменом, он замкнулся окончательно. Он и раньше был нелюдимым, а теперь и вовсе стал мизантропом. Замечали, что любое общество его стало очень сильно раздражать, как впрочем, и тех, кто случайно оказался в его обществе очень раздражал сам Вадим. Так что «любовь» была обоюдной, его терпели только потому, что любой проект порученный ему был, по сути, шедевром. Решения, которые он находил, ставили в тупик, даже маститых учёных, но были очень эффективными. Главный инженер проекта, можно сказать, молился на Вадима. Он выбил ему отдельный кабинет и свободный рабочий график. Вадим за две недели, выполнил работы всего бюро за полгода, причём совершенно не требуя себе никакой помощи. В общем, чем дальше, тем больше у Карена возникало вопросов, что случилось в день встречи Вадима с Арменом. Явно этот день был в жизни Вадима переломным. Но одна деталь очень заинтересовала его, в хосписе при храме излечился от рака неизлечимый больной, которому врачи отпускали не более недели жизни. Почему это его так заинтересовало, да потому что именно в этот день и в это время, Вадим

Был в хосписе.

Глава 3

Вернувшись из храма, он поел и ощутил неодолимое желание спать. Скинув драную одежду рухнул на кровать и забылся во сне. Тёмная пропасть сна поглотила его без остатка, без ночных призраков раньше сопровождавших его каждую ночь. Сознание осколками медленно всплывало из темноты беспомыслия сна, было ощущение пузырьков воздуха, пробивающего себе путь через толщу мёда. Всё это сопровождалось грохотом, как будто вдалеке гудели тамтамы. Потом явился свет, вернее не сам свет, а его предчувствие, ощущение. Чем ближе подходила граница реальности, тем больше проявлялось новых ощущений. Появились, какие-то контуры разного цвета, окружённые сполохами разных цветов, вдобавок за каждым контуром тянулась, извиваясь, цветная лента, опять-таки, изменяющегося цвета. Вся эта цветовая и слуховая вакханалия вызывала тошнотворное чувство. Где-то на грани сознания было ещё одно ощущение, окрашенное в тёмные цвета беспокойства, источник был понятен и звучал просто «где тело?», но от этого легче не становилось. Чуть позже. Эти цветовые сполохи, стали ощущаться физически, красные цвета вызывали ощущение наждачной ткани, зелёные – скольжения шёлка, синие, переходящие в фиолетовый – оголённого электрического провода. Осколки не хотели соединяться и постоянно острыми гранями, за-

девали за цветочные полосы, переплетая их ещё больше. Потом эта конструкция, не выдержав, с грохотом опять обвалилась в тёмную глубину сна. Утром он просто вынырнул из беспометства сна, но продолжал помнить цветочную феерию сна. Надо было идти на работу, Вадима мучала необходимость встречи с коллегами по работе. Он стал ощущать эмоции людей, как запахи. Трудно представить себе состояние человека весь день ощущающего ароматы чувств людей. У проходной сильный запах ленивого безразличия охранников, резкий запах мускуса женщины без мужчины, затхлый запах зависти, гниющий запах интриги и предательства.

На второй день он почувствовал запах сильного расстройства главного инженера проекта и солоноватый запах самодовольства местных гуру проектов, и их, оплывших жиром, душ. Проект, который делало бюро, ему показался очень простым, достаточно было только изменить материал в камере расширения и сразу упрощается схема. В библиотеке он взял документацию по этому материалу и оказалось по всем параметрам он превосходил то что пытались применить ранее. Предварительный расчёт показал, что изделие, даже переключает что было заложено в задании. Вадим составил записку приложил к ней расчёты и всё это передал ГИПу. Тот целый день посветил проверке расчётом, затем приказал всё оформлять в окончательный проект, для сдачи заказчику. На третий день ошалев от затхлого запаха зависти он сбежал в хоспис.

Светлое ощущение солнечного зайчика, исходящее от семилетней крохи. Причём за ней ощущался хлад смерти, готовой срезать своей косой, этот простой полевой цветок. Её кайма пылала, как костёр еретика. Вадим уже сознательно, постарался воспроизвести те ощущения что у него возникли в прошлый раз. Пламя, вокруг Маши вдруг опало, оставив только отблески солнышка. На следующий день Машенька была выписана из хосписа родители Машеньки оказались умными людьми. Как бы то ни было заряд энергии, полученный от крохи позволил ему продержаться ещё два дня в затхлом болоте бюро. Вадим понял что, если у него не будет такой зарядки, он сорвётся и вот тогда многие испытают, что такое БОЛЬ на себе.

В последний рабочий день недели ГИП вызвал к себе Вадима. Когда он зашёл в кабинет, тот сидел с расстроенным видом, листая какие-то документы. ГИП предложил присесть и рассказал, что у бюро опять возникли проблемы, но уже с другим проектом. Срывались все сроки, а контроль вёлся на правительственном уровне. У изделия при пуске, по истечении короткого времени нарушалась работа автоматики и приходилось аварийно подрывать изделие уже в полёте. Сказать, что Вадим был удивлён, было бы покривить душой. Раньше в курилке автоматчики грязно матерились на начальника отдела, упорно впихивающего изделия одной из китайских фирм во все узлы. Было странно другое, Вадим по профессии был «прочнист» и никак не автоматчик. Да

в институте как многие он баловался компьютерной техникой, собирая и налаживая её под заказ, но не более того. Было не совсем понятно почему от ГИПа исходит такой сильный запах уверенности, что Вадим сможет решить эту проблему.

В общем слово, за слово и Валим не стал отказываться от этой работы, правда попросил разрешения на работу в выходные дни, мотивируя это тем, что ему никто не будет мешать. Хотя мотив был совсем другим, просто после его удачи с предыдущим проектом, в комнате аромат зависти стал просто тошнотворным. Надо было понимать, что ГИП согласился на это условие, обычно на работы в выходные ему приходилось людей принуждать, а тут работник просится сам.

Утром в субботу, спускаясь в подъезд, он ощутил странную смесь запахов. В большинстве своём это были бодрящие запахи радости, была правда незначительная толика тяжёлого запаха скорби. Уже в подъезде, он прошёл через небольшую толпу людей с фальшиво-скорбными выражениями лиц. Консьержка сообщила, что соседка, с которой он столкнулся в понедельник, умерла в больнице, не выходя из комы. Уже выйдя из подъезда Вадим вдруг понял, что на расстоянии примерно метров трёх он стал слышать мысли людей, а расстояние, на котором он мог ощутить запахи расширилось, наверное, до километра. Более того он стал определять и источник эмоции, и объект на которые направлены эти эмоции. Ему было очень тяжело в первый момент,

как будто на него обвалилась глыба запахов и цветов, но потом с щелчком это всё обрезало. Видно включился какой-то внутренний фильтр, теперь для того чтобы ощутить запахи эмоций, Вадим должен был обратить внимание на конкретного человека. Так размышляя о происходившем, он добрался до работы. К концу воскресного дня, было найдено решение для автоматике управления. Немного по-другому скомпонованная схема, замена контролёров безымянной китайской фирмы, как ни странно, российские оказались более пригодны, и совершенно другие элементы, сильно удешевили полученную схему. За счёт изменённой схемотехники упростился монтаж и резко увеличилась надёжность, примерно на три порядка. Поздним вечером воскресения Вадим разогнул, затёкшую спину, можно было отдавать работу ГИПу.

Он вышел на тёмную улицу и не спеша побрёл домой. Из-за мусорного контейнера, источая запах голода и одиночества, ему под ноги выкатился маленький лохматый и лопухий комок. Блестя мокрым носом и повизгивая, щенок ткнулся Вадиму в ноги. Во внутреннем взоре он был окружён пламенем боли. Даже не осознавая Вадим втянул это пламя, затем поднял это создание и заглянул ему в глаза. Радость и бесконечная любовь светилась в этих двух окнах души, и он не смог бросить этого щенка здесь. Так вдвоём они и добрались до дома. Вымытый и накормленный щенок, растянулся на старом полотенце. Лопухий, немного коротко-

ногий, серого окраса щенок, во сне смешно перебирал лапками, как бы убегая от кого-то. Вадим долго сидел, смотря на эту чистую душу, как бы переплетая свою ауру с аурой щенка. Затем встал и лёг спать.

В понедельник утром, работа Вадима легла на стол ГИПа. Недоверие и удивление сквозили в эмоциях, не смотря на то что, как и раньше над этим доминировала уверенность в правильности своего выбора. ГИП выпал из действительности на полдня, затем в бюро пошёл шорох. К концу дня платы по схеме Вадима, уже были испытаны. Теперь ждали лишь результатов испытания на стенде. Во вторник изделие с новыми схемами автоматики, было собрано и испытано на стенде, а в четверг оно уже летало. Но Вадима, это уже не интересовало, это было в прошлом. Теперь он занимался новой работой, у него был отдельный, со среды, кабинет. Поставленная задача была более чем интересной. На рабочих скоростях объекта, нагрев был столь силён что трудно, если в общем то возможно, подобрать материалы способные такое выдержать. Требовался другой подход, вот этим и занимался Вадим, искал способ решения этой задачи. Несмотря на то что благодаря Вадиму, бюро выполнила полугодовой план, а стало быть значительные премии светили всему коллективу, запах зависти был просто не выносим. Вадим понимал, что он держится из последних сил. Он очень благодарил Создателя что тот дал ему чистую собачью душу. Только дома в обществе Фимки, как он назвал щенка, душа его

слегка угасала. Вадим решил, что в выходные сходит в хоспис. Ещё он очень хотел встретиться с тем монахом, чтобы исповедаться.

Глава 4

Вот и настали выходные, и Вадим направился в храм. На входе он задержался, осматривая двор в надежде увидеть монаха, но увы. Зайдя в храм Вадим поставил свечи перед иконой Спасителя. Придержав одного из служек за рукав, он спросил где найти старца монаха. Служка с изумлением смотрел на него.

– «Простите наш приход открылся совсем недавно. И все священнослужители пока молоды, так что даже не знаю о каком монахе идёт речь»

Теперь настала очередь Вадима удивляться, ведь не при виде же ему монах. В конце концов он же его в хоспис водил. Ничего не понимая, он описал того, с кем он общался в прошлый раз. Служка с испугом глянул на него и попросил подойти к фотографиям на стене в боковом проходе. С одной из старых выцветших фотографий, начала прошлого века на него смотрел его собеседник. Иеромонах Зосима, умерший в пятнадцатом году прошлого столетия, вот с кем в прошлый раз он общался. Зосиму хотели причислить к лику святых, но вначале помешала Первая Мировая война, а за тем революция, потом храм закрыли и открыли его заново только в 2001 году. Из прохода показался священник средних лет, он представился Фомой и спросил какой вопрос волнует Вадима. Вадим решил, что он всё равно дол-

жен исповедаться, не смотря на все странности, происходившие с ним. Пусть исповедником будет Фома, разве это изменит суть дела.

Фома сопровождал Вадима в исповедальню и предложил начать исповедь. Вадим ничего не срывая рассказал ему всю свою жизнь. Удивлённое лицо Фомы было ему в ответ, тот не мог поверить, что два последних чудесных излечений, были делом рук Вадима. Ещё более его поразило что в тот прошлый раз Вадим видел и общался с Зосимой. Всё это было выше его разума. Он решил, что Вадим над ним издевается.

– «Не гоже так поступать, пусть вы даже не верите. Но даже чисто по-человечески это подло. Не надо шутить в храме божьем, прошу вас»

Вадим было вспыхнул, но тут же взял себя в руки.

– «Фома, не шучу. Я готов, пройти с вами в хоспис и принести облегчение тому, на кого вы укажете. Если вы хотите я могу уйти, наносить вам обиду у меня не было даже в помыслах»

Фома, сидел опустив голову, обдумывая то что ему сказал Вадим. В конце концов, он поднял глаза и сказал.

– «Если то что вы предполагаете существует, то это чудо. Отказываться от чуда, дарованного Спасителем, значило бы оскорбить его. Я готов сопутствовать вам»

– «Фома, думаю вам действительно будет проще, когда вы сами убедитесь в этом. Я не знаю, что со мной происходит,

но от этого суть самого вопроса не меняется. И действительно, Создатель для спасения людей послал Спасителя, вооружив его только любовью. Но много было званых, да мало избранных. Может пришло время слов Спасителя о мече и винограду. Скверна переполнила терпение Создателя, один раз он уничтожил нас потопом, а теперь возможно мне придётся исполнить волю его»

– «Вадим, не впадите в грех гордыни и тщеславия. Всё же любовь должна быть первоочерёдной. Вы должны помнить о муках своих, когда судить начнёте, но это всё потом после того как вы убедите меня в сказанном вами»

Так беседуя мы дошли до хосписа. Фома решил, что не стоит заходить через главный вход, время неурочное для посещения батюшки, а все больные люди мнительные, поэтому Бог знает, что подумают. Через боковой вход мы прошли в маленький коридор с двумя дверями. Одна вела в общий коридор, другая же в одноместную маленькую палату. На кровати лежал человек, похожий на узника Бухенвальда. Костяк, обтянутый серой кожей, но на лице полыхали жадной жизни два глаза. Эти две огненные бездны, притягивали взгляд, требуя действий. Я закрыл свои глаза, абрис лежащей фигуры даже не полыхал, а взрывался пламенем боли. Наверное, раньше такое же пламя сжигало меня и помощи ждать было не откуда. Что же сосредоточимся, вот языки его пламени потянулись ко мне. Отголоски чужой боли прошелестели где-то на грани сознания и вдруг опали, исчезая

так же как бежит бенгальский огонь. Открыв глаза, наткнулся на удивлённый взгляд Фомы и глянув, на лежавшего понял, что он, несмотря на мою помощь на грани жизни земной. Он так много потерял сил, цепляясь за жизнь, что сил на саму жизнь уже почитай, что и не осталось. Было странно другое, в душе растекалось тёплое чувство, плавившее ту ледяную глыбу что, выморозила мою душу.

Было странно и то что запах душ этих двух людей не вызывал отторжения, а наоборот приносил свежее чувство душевного очищения. Но вот физическая усталость накатила так, словно был поднят, по меньшей мере железнодорожный вагон вместе с полным грузом. Меня даже бросило на колени я стоял, упершись в пол руками. Фома рванулся ко мне, собираясь помочь. Но я сделал рукой отторгающий жест, ему в этот момент нельзя было прикасаться ко мне. Превозмогая, эту усталость, опершись рукой на колено, я поднялся и покачиваясь, не говоря ни слова ушёл домой. Пока я шёл к выходу из двора храма, за мною в след шёл Фома, крестя меня в спину и смахивая с лица слёзы, струившиеся из глаз. Почти теряя сознание, я добрался до дома где, рухнув на кровать, провалился в чёрное безвременье сна.

Тени прошлого и будущего переплетались в моём сне, мимо пролетали миллионы лет. Потoki вспыхивающих и гаснущих звёзд душ людей обтекали меня со всех сторон. Каждая из них пыталась рассказать мне про себя, прося и жалуюсь на что-то. Очень редкие звёзды пытались поделиться

со мной своим теплом. Потoki переплетались, часто осыпаясь миллионами огарков, недожитых жизней. Понять откуда и куда стремятся эти потоки было с выше моих сил, всё же не смотря ничто я просто человек, волей выпавших костей бесконечной игры жизни, ставший инструментом Всевышнего. Раньше мой путь пересекался с сотнями других линий, обходя и не соприкасаясь с ними, зато впереди пересечений становилось, не просто много, а бесконечно много. Очень многие из них гасли, не оставляя даже огарков. Многие грозили мне, но линия моя длилась всё дальше и дальше, не взирая ни на что. Некоторые линии оттолкнувшись от другой устремлялись дальше, а эта другие прерывались, осыпавшись угольками. Вся эта картина, напоминала изображение сверхсветового полёта из кабины фантастического звездолёта. Затем всё это утонуло в пучине сна.

Утро, принесло новые изменения, теперь я начал видеть, что произойдёт в ближайший час, два, далее это видение размывалось, превращаясь в туманное нечто. Выйдя из квартиры, я вдруг увидел себя идущим по тротуару, в видении ко мне подскакивал какой-то парнишка лет пятнадцати. От него исходил запах жажды и ненависти, почему-то ненависть была направлена на меня. Я его видел живым мертвецом, которому уже ничто не могло помочь. Он взмахивал рукой и бил меня ножом в бок, далее это сразу видение прикрывала серая муть. Остановившись на площадке между этажами, попробовал проследить линии, связывающие ме-

ня и этого парня. Странно, но они замкнулись на том парне из Мерседеса, с которым я столкнулся в мой первый после смерти день. Ещё несколько линий грязно-мутного оттенка, пересекались с моей линией. Проследив, эти новые для меня линии, с удивлением заметил, что немалое количество других линий, соприкоснувшись с этими грязными линиями, обрывались рассыпаясь уголками, другие меняли свой цвет на такой же грязно-мутный или окрашивались в цвета горя и несчастья. От этих грязных линий смердело так что даже на расстоянии Вадима замутило.

Вадим шёл по тротуару и видел впереди всполохи тех чувств что источал, парень из ведения. Вот он увидел бегущего ему навстречу, парня. Защищаясь от бури эмоций, исходивших от нападавшего, Вадим выпустил в него язык пламени, бушевавшего в его душе. Линия парня, вспыхнув осыпалась пеплом. После произошедшего Вадим вернулся в обычный мир, впереди в метрах пятидесяти, споткнувшись покатилося тело этого парня. Народ резко шарахнулся в разные стороны, и ускорив движение, рассосался настолько быстро, что в это было даже трудно поверить. Странно в машине, стоявшей поодаль сидел один из тех чья грязная линия ранее виделась Вадиму. От машины исходили эмоции удивления и недовольства. Затем машина, заурчала заведённым мотором, скрылась за поворотом. Перейдя на другую сторону улицы, Вадим зашёл в проходную предприятия.

Глава 5

Поднимаясь на этаж, где располагалось бюро, я почувствовал сгусток эмоций, царивший в самом бюро. Над всеми эмоциями доминировали эмоции Николаева, бывшего у нас ведущим инженером. Злоба, даже ненависть ко мне, обида на ГИПа, презрение к остальным сотрудникам бюро. Николаев, был снобом, он считал всех остальных недоумками. Более того он всегда считал, что должность ведущего, для него оскорблением, а руководство предприятия замшелыми пнями, что не видят бриллиант его таланта и держат его на столь ничтожной должности. Мне было не понятно, что произошло, что я вдруг попал в зону его интересов. Он, всегда разговаривая со мной цедил слова полагая, что я должен быть ему обязан за то, что он тратит своё время на такую бездарность. Но, Бог с ним, я видел его мутноватую линию и то что она никак не пересекается со мной. Откинув, все эти мысли, я прошёл в архив, где теперь стоял мой стол. Надо было заняться порученной, мне проблемой.

Прошло должно быть часа три и время приближалось к обеду, когда в помещение архива ворвался Николаев, брызгая слюной и хрипя надсаженным горлом, он вылил на меня ушат помоев, каких только эпитетов для неблагодарного щенка, я не услышал. Ничего не понимая я смотрел на него. А он разошёлся на столько, что захотел вклеить мне пощё-

чину. Этот момент я уже видел в видении и просто уклонился от пролетающей ладони. Естественно она наткнулась на угол стены и с воплем боли Николаев выскочил из помещения. Пожав плечами, я продолжил заниматься своим делом, но оказывается из-за бури эмоций Николаева, я не заметил, что в архиве был ГИП. Он оказывается просидел всю эту безобразную сцену за столом архивариуса. Запах внимания, стал ощутим после того как мы остались вдвоём.

– «Вадим, а вас что не удивляет поведение Николаева?»

– «А почему оно должно бы было меня удивить? Причин, вызвавших этот антагонизм, я не знаю. Ранее с Николаевым, я не был не то что близок, напротив, он всегда подчёркивал разницу в нашем положении. А домыслами и предположениями, не имея достаточной информации заниматься не только глупо, но и бессмысленно»

– «Да хороший ответ, трезвый и взвешенный. Так вот доведу до вас, что с сегодняшнего числа вы ведущий инженер нашего бюро. И ещё Вадим у вас не появилось мыслей, по поводу той тематики что я вам поручил?»

– «Мысли есть, я как раз был занят проверкой некоторых предположений. Извините что не озвучиваю их сейчас. Просто не думаю, что стоит это делать без подтверждающих расчётов»

– «Простите, Вадим и как скоро вы сможете мне это показать. Нет я ни в коем случае не настаиваю на немедленном ответе. Просто подумайте пожалуйста»

– «Я думаю, что смогу уже сегодня к вечеру показать предварительные расчёты. По крайней мере промежуточные расчёты укладываются в общую канву»

– «Прекрасно. Вадим я жду вас вечером»

ГИП покинул помещение архива, а я занялся дальнейшими расчётами. После обеда, я продолжил предварительные расчёты, но меня стало терзать неприятное предчувствие. Даже не заглядывая на линии жизни, я знал, что это возможно не приятно, но не смертельно, а поэтому просто выкинул это из головы. К концу дня получилось решение, очень элегантное по своей простоте, срок жизни изделия мал максимум сорок минут, а нагрев можно было распределить по всей поверхности при помощи теплоносителя. Материал, выбранный мной, обеспечивал работу изделия в течение часа. Не думаю, что будут интересны детали. Пора было идти к ГИПу, кстати, в результате принятого мной, в фоновом режиме, решения исчезло зудящее ощущение грядущей неприятности. Собрав предварительные расчёты, я вышел из архива и прошёл к ГИПу.

Пред его светлые очи, я был допущен немедленно. Разложив результаты расчётов, довольно кратко доложил о предлагаемом решении проблемы. ГИП, подперев руками лоб быстро просмотрел документы. Затем поднял на меня глаза.

– «Вадим, я честно говоря, и не сомневался, что вам удастся найти выход, но как вы пришли к этому решению. Просто и со вкусом, а главное попутно снимается и ещё одна

проблема. В общем я очень доволен»

– «Владимир Валентинович, у меня есть просьба»

– «Слушаю, вас, Вадим»

– «Я хотел бы отказаться от должности ведущего инженера, не думаю что ваше спонтанно принятое решение, оздоровит климат в коллективе. Единственное, что хотелось бы оставить возможность работать в одиночестве и всё»

– «Но почему Вадим? Вы, походя, закрыли годовичные проблемные места бюро, большая часть ваших расчётов не требует даже уточнений. Их можно сразу использовать, сокращая время подготовки. С вашей схемой автоматики изделие благополучно прошло все стендовые испытания, а затем произведено три пробных пуска и ни одной осечки. Не понимаю, почему вы отказываетесь от должности»

– «Владимир Валентинович, как говорил Козьма Прутков „Каждый человек пригоден, коли употреблён на своём месте“. Это же место не моё и не принесёт пользы ни для дела, ни для взаимоотношений в коллективе, вы уж простите, что так происходит, но поверьте, так будет лучше»

– «Вадим, если вы на этом настаиваете, я конечно пойду вам навстречу, более того. Похоже, что и в этой проблеме вы нашли правильное решение. Не хотел вам говорить, но полдня прошло, как я объявил о своём решении, даже не оформил ещё приказом, а дразги вышли за пределы бюро. Но вот увеличенную премию вы заработали однозначно. Спасибо вам, Вадим»

Попрощавшись я вышел от ГИПа и пошёл собираться домой, Фимка небось заждался меня. Возвращаясь, домой, я зашёл в зоомагазин и купил для Фимки подарки и поводок для выгула.

Полина Макеева, всегда знала, чего хочет и как этого добиться. Девушка из районного посёлка своим трудом, ну и ещё «личным обаянием», пробилась в столичный ВУЗ. Не малых трудов ей стоило его закончить. Уже на третьем курсе, в отличие от многих столичных аборигенов, она начала активный поиск работы. Её не устраивала должность обычной «серой мышки», что лопатит груды канцелярских документов, обеспечивая продвижение других. Она чётко планировала ступени своей карьеры, отбрасывая использованных людей-инструментов, без сожаления. Сколько на её пути осталось вот таких изломанных ступенек, будь то студент сокурсник, считавший для неё учебные задания, или декан факультета, потерявший в результате свою семью. Она и не помнила их всех, зачем результат получен, а значит всё остальное не существенно.

Устроившись в бюро, она сразу провела сортировку, перспективными ей показались двое ГИП и ведущий инженер. Она уже была довольно опытной, поэтому сразу отбросила ГИПа, явно ей не светило, тем более жена у него была красива и утончена, несмотря на возраст. От таких женщин мужики не уходят, да и сам Владимир Валентинович, будто из девятнадцатого века явился. Именно такие на дуэли стреля-

лись насмерть, защищая свою возлюбленную. Да и честь ему не позволит любовницу протолкнуть, так что пускай живёт. А вот Николаев совершенно точно укладывался в её стандартную схему, кобель, туповатое жвачное, с апломбом великого гения. Такого не жалко было сожрать. Были конечно и другие, но в основном старичьё с сальными глазами, но в плане карьеры, абсолютно бесперспективными. Были и молодые, пара из троих, несмотря на приблизительно одинаковый с Полиной возраст, остановившиеся на пятнадцатилетнем возрасте. Ну и особняком, Вадим, довольно не плохо выглядящий парень, только вот глаза, наполненные вечной болью, как бы отделяли его от всех окружающих.

Но неизвестно что случилось две недели назад, Вадим явился на работу с разбитыми руками и странными, почти светящимися, глазами. Полдня народ от него шарахался, как от прокажённого. Полина помнила, что она почувствовала, находясь рядом с ним, было ощущение, обжигающего пламени. Странно, этот ожог души доставлял наслаждение, и это было страшно. Слава Богу, он спрятался в архиве с благословения ГИПа. А потом начался форменный кошмар, он ухитрился решить проблемы по темам, за которые бюро терзали уже где-то полгода. Но это ещё не всё, ГИП отстранил Николаева от должности ведущего инженера. Полине было плевать на Николаева, но вот то что рушились все её долговременные планы, было просто не допустимо. Правильно подыграв Николаеву, она завела его до нужной кондиции.

Николаев, рванувши рубаху, ринулся отстаивать свои права. Конечно, вероятность отмены отставки была близка к нулю, но она всегда сражалась до конца. И вдруг произошло чудо, в конце дня ГИП всё вернул к прежнему варианту. Правда, на следующий день работы стало, немного, а очень много. В бюро появились инженеры, что занимались холодильными агрегатами. Но Полина, даже радовалась, появились новые намётки на будущее, когда Николаев выйдет в тираж. В том, что это произойдёт она даже не сомневалась.

Вадим же приходя, сразу запирался в архиве, причём и ГИП не сидел на месте. Большую часть времени он стал проводить в дирекции головного предприятия. Что-то явно назревало в их конструкторском бюро.

Глава 6

Карен был в не себя от бешенства, первый раз за всю историю он не смог реализовать свои планы. Этот сын бешеной ослицы, Ваха сорвал порученное ему дело. Непонятно почему наркоша отдал коньки не добежав, до Вадима и более того его тело оказалось у полиции. А те теперь усилено копают, откуда у опустившегося лоха оказались такие деньги, что были обнаружены при нём. Ещё бесило и то что этот парень, как ни в чём не бывало, гуляет по вечерам, с каким-то дворовым вислоухим щенком. Бешенство подступало к горлу, после появления этого парня, что-то сломалось в отлаженном с таким трудом, механизме жизни. Сын стал сам на себя не похож, ушёл в себя. Жена уже была с ним у психоаналитика, тот сказал, что происходящее реакция на болевой шок и вряд ли полностью она когда-нибудь пройдёт. Карен, решил, что вспомнит молодость, у него были неоплатные долги, вот он их и задействует, что бы убрать фактор в лице этого парня, дестабилизирующий его жизнь. Старенькая «Моторола», одного из первых выпусков, но с симкой регулярно оплачиваемой бухгалтерией фирмой Карена, работала вполне надёжно.

Набранный номер, отозвался вначале длинными гудками, затем, в трубке раздался голос.

– «Слушаю тебя, курчавый»

– «Зуб, помнишь немца?»

– «Помню, помню, о чём хотел рамсы развести. Не тяни, давай базарь, я помню, что за слово отвечаю»

– «Надо сработать одного человечка в глухую»

– «Всё тему просёк, больше по трубе не базарим, остальное на толковище обсудим, лады»

– «Замётано, сегодня в восемь в баре „Коралл“ в Химках»

Карен отключил трубу и вытащил симку, теперь с год, а то и больше, она пролежит в сейфе. По другому телефону он заказал столик в «Коралле». А сам задумался, правильно ли он поступает. Этот странный парень очень его беспокоил, его интуиция прямо так и кричала, что ничего хорошего не будет.

Вадим выгуливал Фимку, когда на него накатило. Перед взором, возникла одна из тех грязных линий, что связывала его с парнем из Мерина. Раскачиваясь как змея, она поднимала ещё одну линию, которая и вовсе была грязна до невозможности. Вот они переплелись. И после этого грязная линия стала в стойку как кобра, собираясь укусить Вадима. Не осознано, он метнул в неё сполох своего пламени. Линия тут же рухнула, верхняя часть её осыпалась серым пеплом, и линия безжизненно обвисла. Линия, инициировавшая грязную, заметалась как в капкане и всё вдруг пропало.

Карен, встретился с Зубом и не откладывая дело в долгий ящик стал рассказывать тому, что надо сделать. Они сидели, обсуждали, как это можно сделать, как вдруг у Зуба искази-

лось лицо. Складывалось впечатление, что Зубу очень больно, затем он с хрипом вытолкнул воздух из горла и рухнул лицом на стол. Официант, стоявший поодаль готовый обслужить «жирных» клиентов, подскочил, успев придержать Зуба, начавшего сползать со стула. Два быка, сидевших у стойки бара подскочили к своему хозяину, но уже вряд ли что смогли сделать. Зуб отправился на встречу с дьяволом. Приехавшая, скорая констатировала смерть от кровоизлияния в мозг. Причину должны были определить в морге. Оказывается, пока приехала скорая, один из быков вызвал бригадира, который и поехал в морг. Карена же, быки отвезли на хату, где он под охраной дожидался бригадира.

Карен сидел, в полутёмной комнате, достаточно захламлённой и думал, что же произошло. В то, что Зуб был болен, он не верил, он вспоминал, как Ваха рассказывал, что и наркоша, вдруг рухнул на бегу. И ему стало становиться страшно, он уже начал понимать, что ему стоит затихнуть и не отвечать. Можно бороться с людьми, но то, что происходило, давно покинуло рамки человеческих возможностей. Он вспомнил о чудесном исцелении обречённого в церковном хосписе. Ему вдруг стало страшно до судорог, точно так же ему было страшно, когда в деревне у деда он увидел сход лавины.

Так прошло четыре часа, когда из морга приехал бригадир. Диагноз, поставленный патологоанатомом, гласил однозначно «обширный инсульт, усугублённый возрастными из-

менениями». Так что к Карену, предъявы были сняты и с извинениями его доставили домой. Но он-то понимал, что диагноз, отписка и не более того. Промучившись, ночь он решил, что с него хватит, и он задействует запасной вариант, лучше жить в Австралии, купаться в тёплом океане. Денег хватит не только на безбедную жизнь его с женой, но и на то что бы сын смог там организовать своё дело. А здесь в России, он всё распродаст.

Следователь Демченко, был очень въедливым. В принципе, его не очень любили в МУРе, муровцы и просто не жаловали прокурорских, а Демченко, проходил у них по отдельному списку, в шутку иногда говорили, желая неприятностей «что бы тебе Демченко в напарники». Правда, все признавали, что большего количества распутанных им дел, ни у кого не было. Вот и в этот раз на него повесили дело о смерти уголовного авторитета Зуба. Какойнибудь другой следователь, уже закрыл бы дело и сдал бы его в архив, но вот Демченко этого сделать не мог, всё его внутреннее естество вставляло на дыбы от этой мысли. В деле и в результатах вскрытия присутствовала какая-то не правильность, какая-то заусенца цепляла внутреннюю логику, постоянно её тревожа. С утра Демченко посетил поликлинику, к которой был прикреплён Зуб. Он даже ухитрился найти частного врача, к которому Зуб обращался. Врач был вызван к 15.00., а пока Демченко готовил запрос в зоны, где Зуб топтал пару сроков.

Ровно 15.00. в кабинет Демченко, вошёл очень импозант-

ный мужчина, в довольно дорогом костюме. Блеснув дорогими часам эксклюзивного класса, посетитель подал повестку.

– «Присаживайтесь, уважаемый Арон Моисеевич»

– «Надеюсь, что вы предлагаете только присесть, а не сесть»

Хохотнул посетитель, устраиваясь на канцелярском стуле, середины прошлого века. Было видно, что ему не очень удобно, шляпа, пальто и дорогая барсетка очень мешали ему, а куда их пристроить он не знал. Демченко указал на шкаф, предлагая именно там пристроить свои вещи. Достав из кармана пальто пачку сигарилл и золочёную турбо зажигалку, Арон Моисеевич, в конце концов, устроился на стуле и вопросительно посмотрел на Демченко.

– «Можете, конечно, курить, хотя странно видеть этот порок у человека вашей профессии. Но разговор будет не о вашем здоровье, а о здоровье одного из ваших клиентов, а именно о Зубе, в миру, имеющего фамилию Зубатов Григорий Антонович. Меня интересует, что вы могли бы рассказать о его здоровье»

– «Ну, молодой человек, как вы знаете, существует понятие врачебной тайны. Не хотелось бы, как терять такого клиента, так и иметь с ним дело, вне компетенции моей профессиональной деятельности. Так что хотелось бы быть уверенным, что Григорию Антоновичу это не навредит»

– «Ему эти ваши показания уже не навредят. Трудно навредить, покинувшему наш мир. Что бы вам было понятно,

я как раз и занимаюсь делом о скоропостижной кончине вашего клиента. Вот поэтому и хотелось бы понять причины его смерти, естественные или всё же некто помог ему в этом деянии»

– «Вот как? А могу ли я ознакомиться с протоколом вскрытия тела Григория Антоновича?»

– «Несомненно, но чуть позже, пока хотелось бы услышать ваши впечатления, неискажённые информацией протокола. Думаю, что это будет правильно»

Арон Моисеевич, достал душистый цилиндрик сигариллы, прикурил и прикрыл глаза, как бы вспоминая.

– «Григорий Антонович, посетил меня, в связи с мучавшей его бессонницей, связанной с его деятельностью, сразу обмолвлюсь, что что-либо связанное с его делами мне не известно. Я направил его на полное обследование и даже с томографией его мозга. Надо было, понять функциональное это расстройство или нет. После прохождения обследований и ознакомления с протоколом этих обследований, ему было назначены обще укрепляющие процедуры и лёгкие успокаивающие средства. Кстати, исследования показали исключительное здоровье Григория Антоновича, так что для меня загадка, что могло привести к летальному исходу. В принципе мне более нечего добавить»

– «Простите, Арон Моисеевич, что показала томография, были какие-нибудь отклонения или болезни»

– «Как я сказал ранее, никаких отклонений или функци-

ональных повреждений не было»

– «В таком случае как я и обещал, вот познакомитесь с заключением патологоанатома. И хотелось бы услышать ваше мнение»

– «В принципе, вроде всё правильно, обширное кровоизлияние. Отсутствие каких-либо подозрительных химических соединений. Но в чём причина, что вызвало инсульт совершенно не понятно. А перед этим, ни каких предпосылок. Странно, тем более общее состояние тела, говорит, что исключительно здоровый был человек»

– «Вот и я о том же самом говорю Арон Моисеевич»

– «Подождите. А вот это интересно, эмаль с зубов и искажённое выражение лица. Причём, судорога лицевых мышц настолько сильна, что даже посмертное расслабление не сняло выражение лица. Такое ощущение, что он испытал сильнейшую боль или стресс. Х-м, а вот это могло бы быть причиной смерти, у кого-то не выдерживает сердце, а вот у покойного не выдержали сосуды головного мозга»

– «Интересная мысль, огромное вам спасибо Арон Моисеевич. Давайте ваш пропуск, я подпишу. Вы позволите, если проявятся новые детали, вас потревожить»

– «Ай, да что вы молодой человек, конечно, я и сам с удовольствием постараюсь вам помочь. Вы знаете, мне очень интересно было бы разобраться. А пока, позвольте откланяться»

Он вышел в дверь, оставив Демченко в раздумьях. Дело

начинало приобретать новый оборот.

Глава 7

Вадим продолжал ходить на работу. Задания, выдаваемые ему ГИПом, становились всё сложнее и интереснее. Но у него в душе было опустошение и царящая в груди ледяная глыба, не хотела ни как таять. Прошло уже тому две недели, после последнего посещения хосписа. И он решил сходить туда ещё раз.

Утро хмурилось, жирные дождевые облака, казалось, зацепятся вот сейчас брюхом, за верхушки деревьев. Люди на улицах спешили скрыться в тёплых до вониючести, внутренностях автобусов и метро. Сырой ветер, пытался из-за всех сил, залезть под рубашку, видно тоже продрог. Казалось, что эти тучи придавили, даже звуки. Машины, пролетая мимо, только слегка шелестели. Настроение, тоже было под стать погоде.

В храме, тоже было сумеречно, лики святых на иконах, тоже были, как бы уставшие. Огоньки свечей светились как окна далёких деревень, приглашая к себе. Лик Спасителя, на иконе, тоже был расстроенным и всепонимающ. Вадим долго стоял перед ним, пытаясь найти намёки и знаки для себя, но так же потрескивали свечи, источая запах воска. Вздохнув, он повернулся и увидел Фому, молча наблюдающего за ним. Фома сделал жест, приглашая с собой. Они вышли в боковой коридор и молча прошли до выхода на улицу.

Вдруг Фома остановился и повернувшись спросил.

– «Простите Вадим, я за вами наблюдал, начиная с того момента как вы вошли в храм и ни разу не видел что бы вы перекрестились. Возможно, я чего-то не понимаю?»

– «Фома, вам не за что извиняться, я здесь гость и не более. А не крестился, потому что некрещённый»

– «Как же так, Вадим? Почему? Вы не верите в Бога?»

– «А что некрещёным в Создателя верить запрещено?»

– «Нет почему, конечно можно и даже нужно, но всё же вы приходите в православный храм. Читите святых и Спасителя и некрещённый, как-то не укладывается в голове. То есть вам всё равно в храм или мечеть?»

– «Фома, не следует множить сущее без необходимости, знакомо вам такое положение? Так вот и с православием. Если это отвечает, пусть и не полностью внутреннему естеству, куда идти? Да и в сущности, разве Создатель не един?»

– «Так-то оно так, но как-то несообразно складывается. Вы же верите в Создателя и Спасителя, но некрещённый?»

– «Ну что вы Фома, так упёрлись в крещение? Вас так беспокоит атрибутика или всё же вера? Да и почему-то мне не приятны молитвы, не их суть, а отдельные моменты. Впрочем, я не в праве, кого-то осуждать»

– «Вадим, ведь крещение это процесс единения со Спасителем, значит, отказываясь от крещения, вы не хотите единения с ним»

– «Фома, а может, я не хочу считать себя рабом божьим?»

Создатель создал нас по образу и подобию своему. Он же наделил нас правом выбора между добром и злом, между ним и Врагом Человечества. Разве раб волен в выборе? Разве Создателю нужны рабы, а не помощники? Ведь при создании Адама он вдохнул в него свой вдох, а затем сделал его рабом? Рабом часть себя?»

Было видно, что у Фомы, борется догматическая и разумная части души. Ведь, по сути, я покусился на основы, что ему постоянно внушались в семинарии. Он пытался построить ответы на вопросы заданные мною, а вот здесь, противоречия никак не позволяли ему создать непротиворечивую конструкцию.

– «Поймите, Фома, всё что сейчас выступает в виде догм, было создано людьми со слов Спасителя. Причём до нас дошла далеко не первая копия этих слов, а сколько было принесено, по ошибке или по злему умыслу. Ведь даже основной символ христианской веры, крест, не первичен, и более того искажён»

– «Это как, простите, не совсем понятно, в чём искажение?»

– «При крещении, надевается крест с изображением распятого Спасителя. То есть, этот крест подобен тому кресту, что был на Голгофе. Так?»

– «Да, а какое противоречие вы в этом видите?»

– «Но ведь, символ христианства, явился ранее Спасителя, ведь и он был крещён крестом, что был надет на Спаси-

теля Иоаном-Крестителем, разве не так?»

– «Так, но»

Фома, осёкся, задумавшись. Его мир дал трещину, вот он и пытался восстановить целостность своей души.

– «Более того, Фома, Иоан-Предтеча, применял обряд крещения, для очистки от грехов, скажите мне какие грехи у грудного ребёнка? Далее, жизнеописание Иоана известно только со слов Луки, по словам которого тоже было непорочное зачатие Иоана Святым духом, да и он был родственником Спасителя. Вам не кажется всё это странно? И ещё все проклинаят предателя Иуду, но разве Пётр не предал своего учителя, отказавшись от него трижды? Всё это я говорю, чтобы вы поняли, что ни что человеческое не чуждо и священникам. Ведь они суть есть обычные люди и не безгрешны, а посему „кто без греха, пусть первым кинет камень“, вот так Фома. И очень трудно отделить действительно завещанное Создателем от безграмотных толкований переписчиков»

Вот этим я Фому, ошарашил окончательно. Ведь получается рушится опора всех его догм. Тем более, трудно ответить на заданные вопросы, а ответы нужны, даже для него самого. Тем временем мы подошли к хоспису, перед входом мы остановились.

– «Вадим, Николай Васильевич проходит сейчас курс реабилитации, но очень хотел встретиться с вами»

– «Фома, что за Николай Васильевич? И почему он желает со мной встретиться?»

– «Николая Васильевича вы излечили в последний приход в хоспис. Академик, всю жизнь отдавший родине. Брошенный всеми, детьми, внуками»

– «Всё это замечательно Фома, но увольте меня от таких встреч. Я ведь не только даю вашим пациентам, но и получаю от них-то, что нужно мне. Поэтому давайте всё оставим на том уровне, что имеется сейчас»

– «И ещё я должен вам Вадим сказать, непонятно откуда шелкопёры писаки прознали, про случаи излечения у нас, безнадежных больных. Вот и следят, за входом в двор храма, пытаюсь выследить, как они говорят „чудо-целителя“ и если вы не заинтересованы в общении с этой публикой, надо что-то предпринять»

– «Да, Фома, мне это совсем не к чему. Я очень сожалею о своей исповеди, ведь вам, очевидно, скоро начнут задавать вопросы те, кому не сможете отказать. Был выход в стирании вашей памяти, но это для меня противоестественно. Думаю, что я не скоро приду сюда опять. Ладно, подумаем, как быть»

– «Я могу дать обет молчания о вашей исповеди. А что Вадим вы действительно можете стереть память?»

– «Ваше обещание молчания бессмысленно. Если вас начнут спрашивать профессионалы вы сами того не желая расскажете всё. А по поводу стирания, именно так турки готовили себе янычар, боль и шок стирали всю память, куда потом можно было загрузить всё, что хотелось»

Мы с Фомой поднялись на балюстраду, окружающую го-

стиную на уровне второго этажа. Фома показал мне женщину и рассказал о ней, одна из участников ликвидации Чернобыльской аварии. Как и многие участвовавшие в этом, она облучилась, но наступил «разгул демократии», для которой не существовали все, кто не имеет денег. Обширные метастазы, съедали её заживо, а лечение стоило столько, что об этом и помыслить было нельзя. Я присмотрелся к ней, как и в прошлые разы, её контур был окружён уже знакомым пламенем. Потянувшись к ней, я втянул это пламя, аура женщины очистилась. Явилось видение её линии жизни, в дальнейшем. Все другие линии, соприкасавшиеся с ней, как бы получали заряд энергии. Не говоря более ни слова, я развернулся и по английски покинул храм, дома меня с нетерпением ждал Фимка.

Глава 8

Демченко, разрабатывал мысль, на которую его натолкнул Арон Моисеевич. Он провёл дополнительный опрос официанта и спутников Зубатова. Только вот не удалось опросить непосредственного собеседника. Карен Мартивосян, срочно, почти в паническом порядке, распродал весь свой бизнес и срочно покинул Россию, приняв гражданство Австралии. Что же так испугало Мартивосяна до паники и до смерти Зубатова. Демченко чувствовал, что здесь точно есть какая-то связь. Он стал просматривать жизнь Мартивосяна, начиная с момента встречи с Зубатовым в баре, и сразу наткнулся на нечто. Буквально за три недели до произошедшего сын Мартивосяна, впал в недельную кому от болевого шока. Вместе с ним, были доставлено ещё двое «золотых мальчиков», точно с таким же диагнозом. Демченко, попытался найти протокол, составленный нарядом с места происшествия, но такового не оказалось. В нарушение всех положений, наряд не стал составлять такой протокол.

Он не поленился съездить в больницу, но и здесь его ожидала неудача. Вдруг не оказалось истории болезни, главврач, отводя глаза, упорно представлялся не сведущим. Было впечатление, что кто-то перед ним прошёл и зачистил все концы. Демченко по натуре был педант, а поэтому такое положение дел его не устраивало. Он решил поискать подоб-

ные случаи по всему округу. Оказалось, что не зря, именно в этот же день в другую больницу округа была доставлена в коме женщина. Кома была вызвана болевым шоком, но в отличии от ребят, она скончалась так и не приходя в себя, всё же организм был намного слабее чем у этих молодых лосей. Взяв в больнице адрес покойной, он съездил туда, муж и дети ничего не могли сказать, так как это всё произошло не при них. Демченко узнал, что это случилось в подъезде рядом с консьержкой. После того как он с ней побеседовал, выяснилась ещё одна неприятная деталь. Раньше него к консьержке уже приходили два следователя. По описанию он их узнал, два дежателя из РОВД, очень сильные профессионалы, но абсолютно беспринципные, кто заплатит на того и сработают. Этот вопрос он решил оставить на потом. Потому что было похоже, что он вышел на главного фигуранта.

Молодой парень был во обоих случаях рядом с пострадавшими. И хотя формально ему было нечего предъявить, Демченко стал разрабатывать и его. И сразу наткнулся на очень интересные детали, во-первых, начиная с этого дня на работе он смог устроить настоящий переполох. Представьте себе два гос. задания, которые никак не могло выполнить конструкторское бюро, грозили по меньшей мере потерей рабочих мест, куратору бюро от ФСБ и ГИПу, были им решены в течение двух недель. Мало всего этого все, кто ознакомился с этими решениями, отмечали изящество и элегантность решений. Во-вторых, этот парень отказался от места веду-

щего инженера, многие ли из молодых ребят могут так поступить? Но не смотря на всю необычность произошедшего в бюро, это как-то ещё могло уложиться в обычные рамки, но вот происходящее в храме Вознесения Господня, не укладывалось ни в какие рамки. После каждого из немногочисленных посещений храма этим парнем, в хосписе при храме происходили чудесные исцеления людей, уже казалось приговорённых к мучительной смерти от болезни. Каждый раз, кроме разве что первого, его сопровождал настоятель храма. Служки рассказали, что настоятель длительное время беседовал с парнем, после чего был в растерянности и задумчивости.

Вот такие факты, был правда ещё один, но он очень слабо укладывался в общую картину. Просто обычный наркоша, умер прямо на улице. Единственное, что связывало этот случай с предыдущими, так это то что на этой улице в этот момент находился, этот парень. В общем чем больше собиралось фактов, тем более несуразной казалась общая картина. А главное, что эти все факты не давали понимания для произошедшего с Зубатовым. Демченко решил, что стоит и дальше понаблюдать за Вадимом, так звали этого парня.

После последней встречи с Вадимом отец Фома был в полной растерянности. Всё сказанное ему, Вадимом нарушило цельность его мироощущения. Более того, всё это не вызвало отторжения и не противоречило основному посылу Спасителя. Было очень жалко, что в ближайшее время Фо-

ма не сможет встретиться с Вадимом, тот ведь предупредил, что в храме теперь появится не скоро. Но помимо этих трудностей, Фому очень раздражали разного рода репортёры. Они лезли везде, пытались без разрешения вести съёмку в храме, беспокоили глупыми вопросами прихожан. В общем, они настолько сделали жизнь храма неудобной, что, не выдержав, Фома обратился в полицию с просьбой об охране храма, от этих назойливых писак. Возникли и более мелкие сложности, врачи с разрешения Фомы провели полное обследование выздоровевших больных, а учёные постарались снять все физические данные помещений, где произошли эти мгновенные излечения. Так что жизнь храма, очень сильно изменилась и не в лучшую сторону. По крайней мере часть прихожан просто перестали посещать храм. И более противно стало видеть на проповедях, лоснящиеся рожи новых «прихожан». Понятное дело, что всё происходящее, не могло не обратить внимания, на в общем то заштатный храм, Патриархата.

Епископ Московского патриархата Феофил, ехал в Храм Воскресения Господня. Поехать ему пришлось по указанию Управлению делами Московской Патриархии. Странные дела, творящиеся в хосписе этого Храма, требовали разобраться со всем этим на месте. Нельзя было сказать, что он поехал с удовольствием, дел было более чем много, а здесь какие-то чудесные исцеления. Феофил был жёстким прагматиком и реалистом, а поэтому не верил в чудеса. Даже его

вера была очень своеобразной, он был всё же больше бизнесменом от церкви, чем священником. Ему часто казалось, что с Создателем он заключил деловой договор о взаимопомощи. Нельзя было сказать, что его действия вредили Церкви, более того он постоянно заботился о прибыльности вложений. А Церковь, она же постоянно требовала денег, чем больше, тем лучше, деньги то шли на благое дело, восстановление разрушенных храмов и монастырей. Конечно, лепта что вносила паства была и была в принципе не малая, но составляла малую часть того что затрачивались патриархатом. Печать церковных книг и другой православной полиграфии. Изготовление утвари и другого церковного скарба, оплата электричества и водоснабжения, оплата налогов. Значительные средства тратились и крутились вокруг церкви и всего связанного с верой. Так что деньги и ещё раз деньги вот что интересовало Феофила. Ну и естественно желание достигнуть патриаршего престола, вот тогда бы обладая этими двумя составляющими он реально сделал бы церковь процветающей и богатой.

Храм у Феофила, вызвал двоякое чувство. С одной стороны, очень уютный, почти домашний. С другой, невеликий достаток сквозил во всём. Встреченный настоятелем Фомой, он прошёл в келью настоятеля. Откровенный аскетизм помещения резал глаз епископа. Ничего, кроме самого необходимого в келье не присутствовало.

– «Сын мой, а что же вы так бедно живёте. Неужели ваша

паства столь скупа?»

– «Отче, мне и моей жене много не нужно, а все средства я отправляю на содержание храма и хосписа. Муки болящих, не позволяют мне забывать, что всё в этом мире бренно. А воздаяние, будет по трудам моим там. Пример старца Зосимы, подвигает на такой образ жизни»

– «Похвально, сын мой. Но приехал я совершенно по другому делу и желал бы услышать от вас о чудесных случаях, произошедших в вашем хосписе, под сенью храма. Поделитесь со мной, и так?»

– «Отче, конечно поделюсь, только вот, мной был дан обет молчания о самом исполнителе этих чудес, так что не обессудьте, не всё могу рассказать»

– «Х-м, понимаю вас, а поэтому расскажите что сможете»

– «Около месяца назад храм посетил человек, он был не из прихожан и пришёл в храм впервые. Более того потом выяснилось, что и некрещённый, но верующий в Создателя и Спасителя. В первый раз он сам зашёл после храма в хоспис и случилось чудо. Он излечил безнадежного больного. Узнав об этом, в следующий его приход я постарался его встретить. Мы с ним поговорили, после чего, для того что бы я поверил он излечивает Николая Васильевича Аграновского, которого ко мне послали из патриархата. Вчера он приходил опять и снова в моём присутствии излечил Марию Алексеевну Опанасенко. При прощании он предупредил, что мне начнут задавать вопросы и что он не скоро при-

дёт опять в храм. Во время прощания мной и был дан обет, о котором я говорил ранее»

Феофил, всё это выслушал и задумался, поверить в то что было сказано Фомой, было очень трудно. Стоило бы переговорить с излечившимися, может они что-то скажут. Надо будет пригласить служку, что сообщил в патриархию о странных случаях, происходящих в хосписе. В конце концов, если это правда, владеющий таким феноменом, станет вне категорий в патриархате, а это, для пастыря феномена, прямой путь к венцу патриарха. Как вот только заставить этого фанатика отдать имеющуюся информацию. Более того, для получения преференций необязательно давать информацию о нём Синоду, можно и просто развернуть дело, даже вне церкви, а пока надо всё точно проверить. Так что решено, пройдем к излечившимся и поговорим с ними.

В гостиной хосписа в Феофила с надеждой впились десятки измученных глаз. Но после того как отец Фома, сказал, что епископ прибыл поговорить с излеченными, эти глаза погасли, погрузившись в пучину уже привычной боли. Феофила кольнуло такое безразличие к своей персоне. Всё же представитель верхней иерархической группы православной церкви хотел бы большего почтения к себе. Он прошёл за Фомой в отдельную маленькую комнатку, места в ней было всего на кровать и стул. На кровати лежал очень худой мужчина, правда на его лице горел румянец и блуждала рассеянная улыбка. Феофил властным жестом отослал отца Фо-

му и служек, оставшись с Николаем Васильевичем наедине
– «Добрый день Николай Васильевич, я епископ Феофил, представитель Управления делами Московской Патриархии. Как вы себя чувствуете? Я прибыл для того что бы разобраться в произошедшем. Если вам будет не трудно я прошу вас ответить на мои вопросы»

– «День действительно добрый, знаете ли, наверное, так себя чувствуют люди, которым отменили смертную казнь уже на эшафоте. А вопросы давайте попробуем. Почему бы и нет, да и общение с новыми людьми – это просто прекрасно»

– «Николай Васильевич, вы можете рассказать, как произошло ваше излечение, только подробно с ощущениями и мыслями на тот момент, если это возможно»

Глава 9

Николай Васильевич, задумался вспоминая тот день. Утро как всегда началось с прихода сиделки, принесшей огромное количество таблеток и очень скудный завтрак. При взгляде на всё это «богатство» Николая Васильевича привычно замутило, он уже знал, что даже это ничтожное количество пищи для него просто избыточно. Дай Бог, что бы уже после первой ложки не возникли рвотные позывы. До первых признаков отторжения пищи ему удалось съесть полторы ложки, после чего весь в поту он откинулся на подушки преодолевая приступ тошноты, стараясь удержать хотя бы это ничтожное количество еды. Позже пришёл врач. Этот врач, был из тех что умели сострадать своим пациентам. Войдя в комнату, он бодрым голосом поздоровался, улыбаясь из-за всех сил, а в глазах у него можно было увидеть только страдание за Николая Васильевича. Осмотрев пациента и назначив бодрым голосом новые лекарства, он откланялся.

Николай Васильевич остался один, последние годы – вот такое одиночество его уже не угнетало. Долгими бессонными ночами, он вспоминал всю свою жизнь и взлёты, и падения, предательство своих детей, бросивших его здесь в одиночестве. В первое время он очень злился на них, очевидно уже забывших об отце. Но потом принял это как неизбежное зло этого не совершенного мира. Было не много жаль,

что болезнь не позволила и дальше заниматься наукой. Когда он узнал о своём диагнозе, он очень надеялся, что «упадёт на бегу», но жизнь уготовила ему последнее испытание-болью.

Но дальше произошло то чего он не ожидал. Перед обедом, открылась дверь и палату вошёл молодой парень, сопровождаемый отцом Фомой. В принципе таких парней на улицах многомиллионного города было с избытком. Среднего роста, с довольно приятным лицом, одетый в джинсы и джинсовую рубашку, на ногах прилично поношенные кроссовки. Но от всей этой обычной массы парней его возраста, его отличали глаза. Мало того, что казалось, что они изнутри подсвечиваются отблесками какого-то неземного огня, так ещё и их глубина, было ощущение что в них можно падать бесконечно как в космос. И ещё обильная седина, почти полностью, покрывавшая его голову. В принципе и его лицо при всей своей обыденности постоянно приковывало глаза.

Отец Фома что-то в полголоса сказал парню и тот прикрыв глубину своих глаз веками, начал как будто прислушиваться к чему-то. В какой-то момент черты его лица заострились и после этого он рухнул на колени упёршись в пол руками. Николай Васильевич вдруг почувствовал, что вечная спутница боль куда-то исчезла, а тело налилось ощущением свежести и здоровья, только истощение не позволило Николаю Васильевичу вскочить, опостылевшей ему, крова-

ти. Хотелось петь мир засиял красками, запахи стали объёмными и упругими. Кровь со звоном неслась по венам, крича каждой клетке песню здоровья. Вал этих ощущений был настолько силён, что даже на краткое время у него потемнело в глазах.

Когда он обратил внимание на парня, тот делал отторгающий жест отцу Фоме. Затем он, опёршись на колено, встал, посеревшее от усталости лицо было близко к иконописным образам. Затем парень, не говоря ни слова, повернулся и ушёл, сопровождаемый плачущим отцом Фомой, с благоговением, глядящим в ссутулившуюся спину парня. Дверь закрылась, отсекая Николая Васильевича, от дальнейшего. Остальное было уже не так интересно, измождённое болезнью тело, теперь требовало восполнения потерь и с каждым последующими днём, уходя всё дальше от грани между жизнью и смертью. Все последующие обследования маститых врачей и учёных говорили только одно, жизнь продолжается.

Вот это всё абсолютно без задней мысли он и рассказал Феофилу. Епископ, выслушал всё с непроницаемым выражением лица. Затем пожелав, окончательного выздоровления покинул комнату Николая Васильевича. После этого рассказа, стало непонятно что делал этот парень, надо было выслушать женщину, возможно её рассказ даст хоть какие-то нити. Может парень гениальный изобретатель и создал некий прибор, позволяющий лечить онкологию бесконтактным способом. Мало ли в России гениальных голов, а в чудо, ну не ве-

рил Феофил в чудеса, его рациональный ум отказывал в этом всем, в том числе и Спасителю. Да в душе Феофил относился к библии и писанию как к древней сказке и мало интересовавшей его.

Алевтина Андреевна, радовалась жизни. Волею судьбы и божьим попущением ей был предоставлен шанс жить дальше. Не существовать от заката до заката, как это было до последнего времени, а именно жить полноценной жизнью. Поэтому, каждое утро она радовалась теплему солнышку, хмурой тучке, ветру, обдувающему разгорячённое лицо. Только побывав на грани между жизнью и смертью, понимаешь радость, всех мелочей обычной жизни. Излечение произошло как-то мгновенно, ещё минуту назад боль пожирала её изнутри и вдруг она исчезла, зато пришло чувство здоровья и радости теплой и нежной. Вот с этого момента жизнь расцвятилась новыми красками, хотелось петь и радоваться. Хотелось поделиться со всем миром этим чистым чувством. Когда в её комнату вошёл какой-то высший духовный служитель, сопровождаемый отцом Фомой, её лицо озарилось улыбкой, она радовалась каждому новому лицу.

Феофилу, беседа с женщиной не дала ничего. Но и отец Фома говорил, что парень даже близко не подходил к ней. Феофил всё больше утверждался в наличии прибора для излечения онкологических заболеваний. Весь бред о чудесах он откинул, да парень гениален, воздействовать на верующих не легко, а очень легко. Вот и он решил поиграть в по-

сланника Создателя, но Феофил тоже не глупый что бы верить в чудеса. А значит надо найти его и заставить его поделиться с более достойными людьми. Людьми, которые смогут реализовать его гениальное изобретение и обеспечить получение благ. Надо было только подумать, как это сделать так что бы парню не оставалось выхода, принять руководство Феофила над собой. Наверное, придётся поднять некоторые свои связи начала 90-х, когда Феофил добровольно стал духовником в зоне. Надо же было окормлять заблудших овец, хотя каких овец, волков в овечьей шкуре. Тогда у него появилась благодарная паства, все боятся гнева Создателя, а поэтому надо и каяться, и платить своему пастырю. Вот и настал момент, когда их помощь стала нужна Феофилу.

Феофил попрощался с отцом Фомой и уехал к себе. Уже сидя в своём кабинете, он стал планировать действия для достижения необходимого результата. Озадачив своего секретаря написанием стандартного отчёта об обследовании храма. Опёршись подбородком на сложенные кисти рук, он в уме перебирал всех своих должников, решая кому доверить это деликатное поручение. Он не собирался, вникать в детали действий своего порученца, это его мало волновало, важен результат. Вот он остановился на кандидатуре очень старого «вора в законе», в криминальной среде пользовавшегося почти непререкаемым авторитетом. Феофил позвонил ему, посетовал что тот манкирует исповедью у своего духовника, тот сразу испросил разрешения приехать для испо-

веди. Естественно получив благословление на это дело и время посещения духовника.

Глава 10

Васнецов Валерий Ксенофонтович, среди «деловых» носил погонялово Дед. Хитрый и изворотливый, удачливый, если за удачу принять точный расчёт и планирование, он почти всегда уходил от сроков на киче. Всего пару раз пришлось потоптать зону, первый раз по «малолетке», а второй раз дело было через чур серьёзное и он пошёл на посадку для поглощения срока, слава Богу, тогда действовали советские законы, о поглощении срока. Там же на зоне он был «коронован» и на свободу вышел уже серьёзный «деловой» человек, имеющий серьёзные завязки в блатном мире. Там же он познакомился с священником, ставшем его духовником.

Странно, но подобное тянется к подобному. Вот и священник был из того же теста что и Дед. Он смог помочь Деду в зоне и тот стал должен. Надо сказать, что чем ближе конец жизни, тем более набожным становился Дед. Хотя его набожность тоже была странной, он соблюдал посты, ходил в церковь и даже «исповедовался» своему духовнику. Но как был бандитом так им и остался. Уже в Москве Дед пересёкся с Феофилом и тот стал его духовником. Вот и сейчас они встретились для «исповеди», выслушав очередное «грешен отче, каюсь» Феофил, завёл разговор по «душам». Потом обмолвился, что есть парнишка, что изобрёл уникальный аппарат, излечивающий неизлечимые онкологические заболе-

вания. Ко всему прочему, некрещённый, вот и надо бы отыскать его и привести в лоно церкви, что будет во славу нашего Господа.

Дед сразу понял, что это задание духовника. Он, смиренно склонив лысеющую голову, спросил, каким образом его можно будет найти и уговорить. Феофил назвал службу, страдающего избыточным любопытством, а поэтому проследившего парня до его дома. Феофил не стал говорить, что после чудесного излечения Николая Васильевича, сам дал задание службе о слежке. И ещё он попросил не трогать без нужды слуг и рабов божьих. Дед заверил, что всё будет исполнено вежливо. Феофил сказал, что на крайний случай его интересуется прибор, так что вот это и будет заданием минимум, ну а уж если Дед приведёт парня, то Феофил найдёт способ отблагодарить верного прихожанина, после чего перекрестив, отпустил.

Дед не стал откладывать дело в длинный ящик, в принципе ему самому было интересно поймать один экземпляр такого прибора. Клондайк отдыхает против этого прибора. Дед читал много и считал что по сути в мире идёт эпидемия онкологии, причём болячка не жалела ни кого, а сильные мира сего, страдающие так же как обыкновенный бедняк, отщипнут ему малость, от своих бездонных закромов и даже не заметят. Были у Деда рукоделы, что могли повторить любой прибор и даже торговали копиями, причём часто получалось, что копия была бы как бы ни лучше оригинала. А по-

сему, направил свои стопы к упомянутому служке.

Служка не стал ломаться, ещё он поломался, когда к горлу перо приставили. Нет, Дед не стал бы его кончать, но перо у горла снимало все вопросы. Довольный, собой Дед вернулся домой и сразу дал знать лучшему домушнику, что был у него, что он ждёт его к себе. Ждать долго не пришлось, буквально через полчаса он уже давал наставления. Наставление было очень простым, вынести из квартиры парня всю электронику. Причём постараться сработать, так что бы ни кто не пострадал. Домушник по кликухе Жмот, кивнул головой и исчез с глаз долой. Жмот был человеком обстоятельным, посетив дом и осмотрев, место будущей работы, он наблюдал за парнем пару дней. После чего, пока тот гулял с псом, вскрыл квартиру, взял весь заказ и исчез, даже не потревожив консьержку, смотревшую очередной сериал.

Так что не прошло и недели, а вся электроника из квартиры была у Деда и его мастера пытались найти в ней отличия от стандартной аппаратуры. Но всё оказалось тщетно, ни чего необычного найдено не было, более того Деда насторожил такой бедный набор, простой старенький телевизор, простой до нельзя приёмник, производства Китая, одна из первых моделей СВЧ, ещё советского производства. Не было обычного для молодёжи компьютера, музыкального центра и других приспособлений, неразрывно связанных с молодёжью. Дед решил, что парень где-то ещё хранит эти приبلуды, а поэтому, за парнем был пущен хвост, что отсле-

живал, каждый его шаг. Но и это не дало результата, работа дом, выгул собаки, работа дом.

Дед был в растерянности, как же ему выполнить поручение, да и самому соскрести чуточек «жирка» на старость. Пока не было ни каких зацепок, но он чувствовал, что скоро духовник начнёт спрашивать. Тогда он решил, что прибор парень носит с собой, а поэтому лучшему «щипачу» было дано задание, обшманать парня, аккуратно освободив того от электроники что с ним будет. И опять, старенькая ещё кнопочная «Нокия» составила весь улов. Телефон оказался самым настоящим, без каких либо добавлений. При просмотре было удивительно малое количество номеров в памяти телефона, практически все они были связаны с работой. Дед уверился, что искомое парень хранит на работе, а вот туда доступа не было, всё же режимное предприятие под крылом ФСБ. Нервы старого «вора в законе» не выдержали, и он решил пойти на провокацию. «Пригласить» парня к себе и устроить тому моральный прессинг. Один раз уже так поступал, а проверенные способы самые лучше, по крайней мере, он так считал.

Глава 11

С некоторого момента Вадим стал ощущать постороннее внимание. Потом и вовсе анекдотичный случай, ограбление квартиры, самое смешное заключалось в том, что украли всю электронику из квартиры. Причём не тронули ни банковскую зарплатную карточку, ни документы, даже семьдесят тысяч, лежавшие почти открыто, так и остались на месте. Потом, Вадима обокрали на улице. Странность была в том, что при этом у вора не было ни каких эмоций, а поэтому Вадим его просто не почувствовал. Причём украли старенький телефон, что верой и правдой служил ему не первый год, а вот опять деньги и карточку не тронули. При попытке просмотреть линии возникала какая-то неясность, правда появилось ощущение, что это скоро разрешится и ему опять придётся применять свой дар, для защиты слабого. Был намёк, что это всё происходило в связи с его посещением храма и хосписа. На работе Вадим работал на автомате, но часто с удивлением ощущал на себе удивлённо-завистливые взгляды. Только потом до него дошло, что идёт уже пятая тема разработок бюро.

В тот вечер он возвращался с работы, когда из подкатившего микроавтобуса «Мерседес», выскочило два «быка» и подхватив его под руки, затащили в салон. Вадим знал, что если бы он захотел, они и водитель были мертвы, но вдруг

понял что это связано именно с тем видением, что взывало к защите слабого. Поэтому, даже не сопротивляясь, он спокойно сидел и ожидал когда они приедут к конечной точке маршрута. Микроавтобус, проскочил МКАД и по Ново-рижскому шоссе доехал до какого-то коттеджного посёлка. Там он въехал, на довольно приличную территорию усадьбы, по-другому это строение нельзя было назвать. Там его извлекли из чрева машины и подтолкнули к входу. За прихожей оказался большой зал с камином. У камина сидел ещё крепкий пожилой человек.

– «Ну, заходи, раб божий, обшитый кожей. Поговорить с тобой возникла нужда, уж не откажи старому человеку»

Вадим стоял молча, погружённый в себя. Было очень трудно стерпеть эмоциональную вонь, исходившую от этого старика. Отвратительно пахнет разлагающийся труп, но оказалось, что разлагающаяся душа пахнет просто омерзительно. Да и остальные присутствовавшие здесь люди, пахнут чуть менее отвратительнее. Был правда один человек, чей эмоциональный запах был другим. Страх и обречённость исходили от него. Дед упорно хотел заглянуть к нему в глаза, потом выказывая поднимающееся раздражение, заговорил опять.

– «Ты что мил человек молчишь? Я ведь хочу поговорить с тобой. Ты вот умный, а дурак дураком. Господь ведь велел делиться, это он ведь сподобил тебя изобрести прибор, что болезни излечивает, а вместо того что бы это всё человекам

отдать, хочешь всё под себя подгрести. Не по-христиански поступаешь. Ну что же ты всё молчишь?»

Тут, Дед, в конце концов, столкнулся взглядом с Вадимом, лучше бы он этого не делал. Две бездонные пропасти, подсвеченные адским огнём, стали его затягивать, обещая испепелить его душу. Кое как, вырвавшись из пучин смертной бездны, Дед ощутил себя стоящим на коленях, с текущими из глаз слезами. Пока Дед приходил в себя, Вадим успел пробежаться по всем, кто присутствовал и расставить своего рода эмоциональные маячки, особо он выделил то сознание, что умирало от страха. Кстати во внутреннем взоре, они все были подсвечены знакомым пламенем боли, понемногу, но все. Дед взвился с колен, в его глазах плескалась ненависть.

– «Ты что же это творишь? К нему со всем вежеством, а он гипнозом занимается, обидишь ведь меня, а я такого не прощаю. Но ежели добровольно отдашь прибор, так и быть смирлостивлюсь. Так что раб божий давай ка расскажи ка, где ты его держишь?»

– «А если нет ни какого прибора?»

– «Мил человек, знаю, что ты душой добр. Но не доводи до греха, не заставляй брать на душу ещё один грех. Не заставляй страдать невинную душу, а то мои псы будут её в твоём присутствии рвать и мучить, а грех на тебя ляжет»

Старик махнул рукой и в зал затащили девушку, связанную по рукам и ногам. С ужасом глядя на старика, та попы-

талась отползти от старика, как можно дальше. Но Вадим этого уже не видел, он был там внутри. Множество огненных струек расплзлись по маркерам, наливая слабенькие огоньки силой. Раздался многоголосый вой-стон боли. Быки, стоявшие у двери, рухнули с грохотом и воем и начали кататься по полу. Даже сквозь одежду было видно сведённые мышцы их тел. Дед тоже лежал, заходясь в хриплом крике. Вадиму надоела эта какофония звуков, и язычки метнулись к горлам меченных маркерами. Вой сразу перешёл в сдавленный болезненный хрип. Ещё раз, просмотрев всех в коттедже, он метнул во всех кроме старика и девушки, языки пламени. Возникло видение линий, осыпающихся пеплом. Вадим подошёл к старику, тот лежал, обмочившись с ужасом глядя на него, кричать у него уже не оставалось сил. Вадим еле слышно спросил.

– «Кто направил? Говори и я тебя освобожу от мук»

– «Епископ Феофил, сказал, что ты изобрёл прибор. Он решил, что это может послужить вящей славе церкви»

Язык пламени облизал его линию, осыпаясь пеплом, линия замерла. Старик вытянулся на полу. Вадим вздохнул и обмахнул лицо от пота. В отличие от тех ощущений, когда он излечивал больных, комок в груди не уменьшился, и не появилось ощущение свежести. Правда и усталости тоже не наблюдалось. Такое чувство возникает, когда делаешь нужную, но монотонную работу. Он повернулся к девушке, та смотрела на него расширенными глазами. Присев возле

неё он с трудом развязал узлы на ногах и руках. Но девушка не могла встать, видно ноги и руки у неё затекли. Вадим опять нырнул в себя и увидел язычки пламени окружающие ноги и руки пострадавшей. Втянув их в себя, он ощутил отголоски тех радостных чувств сопровождающих процесс излечения.

– «Ну что вставай, всё уже позади. Думаю, что делать здесь нечего, пора выбираться. Кстати звать то тебя как?»

– «Тоня, а что с ними произошло?»

– «Не знаю, но разве нам от этого хуже? Давай быстро отсюда сбежим, а то может нагрянуть ещё бандиты»

Мне казалось очень знакомым лицо Тони, приглядевшись, вспомнил, что видел её в храме.

– «Тоня, отец Фома в порядке?»

– «Да, а что?»

– «Нет, ничего. Можешь идти? Тогда идём»

Мы вышли из тихого коттеджа. Я постарался не оставлять следов, даже протёр ручки дверей, какой-то тряпицей. Прикрыв, калитку мы прошли до выхода из этого посёлка, охранники с удивлением смотрели на нас. Надеюсь, что мы прошли достаточно далеко от поста, по затемнённой стороне. Так по дороге мы добрались до Ново-рижского шоссе и дойдя до остановки, дождались рейсового автобуса на Москву. Мне пришлось заплатить за Тоню и в автобусе и в метро. В метро мы и расстались. Дома меня ждал Фомка, не смотря на позднее время, мы с ним прогулялись.

Глава 12

Демченко не мог взять в разработку парня, не было для этого основания. Поэтому он сам следил за ним, следить за ним сравнительно не сложно. Вадим оказался абсолютно замкнутым человеком, ни друзей, одни знакомые, ни девушек. Утром на работу, вечером через магазин домой, потом прогулка с щенком. Правда выбивался поход в храм, зайдя туда и постояв, он услышал о очередном чудесном исцелении в хосписе при храме, он задумался. На площадке перед храмом в толпе ожидающих чего-то людей, он услышал, что за достаточно короткое время произошло четыре чудодейственных мгновенных излечения от смертельной болезни. Более того вышел настоятель и сказав, что люди зря ожидают чуда, попросил разойтись. Демченко, догнал настоятеля и, предъявив свои документы, очень вежливо попросил рассказать об излечениях. Видно было, что настоятель находился в полном замешательстве, затем он собрался и рассказал, что четверо безнадежных больных вдруг излечились, причём в один момент. Отводя глаза, он сказал, что более он ничего не может рассказать. Попробовав мягко надавить на настоятеля, Демченко услышал, что настоятель связан обетом молчания, да и тайну исповеди он не может нарушить.

Кстати в толпе народа Демченко с удивлением увидел, довольно популярных корреспондентов некоторых ве-

дущих телеканалов, их сопровождали телеоператоры. Видно действительно, что здесь произошло что-то неординарное. Но для Демченко, это была посторонняя информация, она ни как не вписывалась в логику событий с Зубатовым. Более того здесь излечение, а там смерть, согласитесь это абсолютно противоположные явления. Так что, отложив в сторону эту информацию, Демченко показав фотографию Вадима, спросил, знаком ли он настоятелю. И опять в глазах настоятеля заплескалось недоумение, смешанное с тревогой. Настоятель сказал, что да он встречался с этим человеком в храме, после чего сославшись на дела, покинул Демченко. Демченко, чувствовал, что каким-то образом, он коснулся какой-то тайны, но связать эту тайну, исцеление и смерть Зубатова, не удавалось. Ничего не оставалось, как продолжить наблюдение за Вадимом.

Вот и настал день, когда наблюдение принесло результаты. Вечером, возвращавшегося с работы Вадима, в прямом смысле слова, похитили. Два амбала затолкали его в микроавтобус и увезли. В московской дорожной сутолоке, проследить за машиной похитителей не составило труда. Автобус доехал до одного из посёлков рядом с Ново-рижским шоссе и скрылся в нём. Демченко, конечно, мог, воспользовавшись своими документами проехать на территорию и продолжить наблюдение, но не стал этого делать. Он знал этот посёлок, по крайней мере, двое уголовных «авторитетов», контролировавших немалую часть России проживали в нём, да и пока

он объяснял охране свои права, автобус мог бы уже скрыться. Вот Демченко, не доехав до самого въезда, съехал на боковую дорожку и стал ожидать. Он был, почему-то, уверен, что Вадим или выйдет сам или его отвезут обратно.

Действительно, примерно через час, Вадим вышел с территории посёлка, да и ещё не один, а с девушкой. Они быстро, дошли до остановки автобуса, доехали на нём до ближайшей станции метро и скрылись в ней. Демченко не стал их там преследовать, а просто поехал к дому Вадима и действительно минут через сорок, Вадим добрался до дома. Чуть позже он выгулял щенка и вернулся домой, свет в его окнах погас. Демченко понял, что на сегодня всё закончилось, и поехал домой отдыхать. А на следующий день после обеда в московском УВД начался ад. Массовая смерть в коттеджном посёлке, вызвала в Управлении такую же панику, как засунутая мальчишкой в муравейник палка. Большинство сотрудников Управления перемещались исключительно бегом, остальные собравшись по курилкам и кабинетам, злобно вредя своему здоровью табачным дымом, обсуждали произошедшее и пытались понять, что произошло.

Демченко по своим делам заехал в УВД по Москве, когда узнал, что произошло. В одном из коттеджных посёлков, женщина убиравшая дом, как всегда пришла на работу. Удивившись незапертой калитке, она прошла в дом, где застала страшную картину, в доме не было живых. В каждой комнате со следами муки и ужаса на лицах лежали трупы. Хозя-

ин дома лежал, в луже мочи, у любимого кресла возле камина. На его лице застыла такая же, маска боли и ужаса. Естественно в истерике она добежала до охраны посёлка. Не поверив в рассказанное, они решили сами проверить, что произошло. Но войдя в коттедж, в тот же момент выскочили обратно. Буквально через минут двадцать примчалась машина ППС, а после этого количество людей во дворе стало увеличиваться в геометрической прогрессии. Вся эта вакханалия, завершилась приездом начальника управления.

Демченко сидел в кабинете и пытался понять, что же происходит. Количество не понятных явлений, творящихся вокруг Вадима, просто зашкаливало, а как это всё связать в не противоречивую картину он не понимал. Тем более что по своим каналам он смог ознакомиться с протоколами патологоанатомов. Смерть у всех наступила в результате болевого шока, но не сразу. У некоторых тел были сломаны кости, причём переломы возникли из-за сведённых мышц. Судорога боли была настолько сильна, что в мышцах были многочисленные обрывы волокон. Не понятна была причина возникновения этих болей, было ощущение, что воздействие было непосредственно на нервную систему. Это всё было очень похоже на смерть Зубатова и женщины из подъезда Вадима.

Вадим устал, почему-то ему приходилось всё время защищаться. А тут ещё пришли сны, странные сны. В них к нему тянулись сотни рук и мольбой светились глаза, сотни тысячи

лиц проплывали перед взором. Уставшие от болезней, испуганные смертями в «локальных войнах», исхудавшие от голода. Глаза, больных, смотрели с тоской обречённых. И каждый из них просил помощи. Вадим захлёбывался в море горя и несчастий, иногда казалось, это море поглотит его полностью без остатка. Иногда появлялось изображение земного шара, затянутого пульсирующей чёрной паутиной, от которой исходили концентрированные излучения человеческих мук. Это всё выматывало, и утром он просыпался весь холодным и липким поту. А днём часто появлялось видение огромного полотна, сплетённого из сотен линий судеб человечества. И это полотно постоянно осыпалось пеплом и угольками. Были места, где это полотно просто тлело, являя взгляду безобразную прореху с дымящимися краями.

На работе Вадиму становилось всё невыносимее, вонь человеческих эмоций иногда перехватывала горло. Запах злобы и зависти, начинал сводить с ума, а шепотки, шедшие по отделу, разжигали в душе костёр гнева. Очень хотелось дойти до храма и постоять в полусумраке, молча беседуя с теми, кто прошёл всё это ранее, а теперь глядели на него, успокаивая и разделяя с ним его тяжкую ношу. Потом пройти в хоспис и отдав часть себя получить обратно кусочек очищенной и успокоенной души. Но в тоже время, он знал, что там сейчас нельзя появляться. Вот и придя в очередной понедельник, он проскользнул в архив, пока не появились остальные сотрудники. Сидя в архиве, Вадим впадал в ка-

кую-то полудремоту, его сознание разделялось на несколько потоков, одно занималось расчётами, другое всё время сканировало всё вокруг. Так случилось, что, привычно сканируя окрест себя, единожды Вадим вдруг наткнулся на отголосок чужой души. От этой души тянуло свежим запахом чистоты и радости. При всём этом эта душа горела окружённая уже знакомым пламенем боли и болезни. Вадим попытался увидеть эту душу, как она выглядит в реальности, но, увы не входила эта способность в его набор. Он попробовал потихоньку приглаживать пламя, втягивая, маленькие частицы этого пламени, сам купаясь в чистых и приятных волнах этой щедрой души.

Глава 13

Епископ Феофил узнал о страшной смерти Деда лишь через пару дней. Информацию, о случившемся придержали, чтобы не мешать следствию. Сказать, что он был в шоке, значит было ничего не сказать. Феофил был рад что не стал по телефону говорить о деле, а вызвал его всего лишь, для других, исповедь. Хотя и смерть Деда и команды его потрясла, но задача что была поставлена перед Дедом так и осталась не решённой. Надо было искать новые пути её решения. Феофил решил начать с отца Фомы, это и была единственная нить, ведущая к целителю. Поразмышляв, он решил, что стоит его вызвать к себе, а не ехать самому. Вызвав своего секретаря, он распорядился о вызове на завтра. Тем более послезавтра предстояло отпевание несчастного Деда, все же как ни как он был его духовником.

На завтра в точно назначенное время отец Фома стоял пред столом епископа. Почти двухчасовая беседа почти ничего не дала. Этот Фома, был болезненно честен и твёрд духом, поэтому не раскрыл ничего из того что обещал целителю сохранить в тайне. Но Феофил был тоже не прост. Практически в Москве не было прихода, где бы у него не было бы информаторов. Вот и в этом храме была пара людей что собирали для Феофила крупницы информации. Одного он разрешил использовать Деду. Но тот видно не успел им

заняться, перед своей смертью. Послушницу он естественно не приглашал в секретариат, связался с ней по телефону и назначил ей встречу в парке при храме где отпевался Дед. Вот и гуляя по этому парку Феофил обдумывал информацию что дала ему эта послушница.

Информация была достаточно интересной. Ну, во-первых, зря благодарил он Спасителя за то, что послушница не попала в лапы Деда. Она была им схвачена и из разговоров бандитов, ей была предназначена мучительная смерть. Во-вторых, она видела этого парня. Её до сих пор сотрясала нервная дрожь о воспоминании о нём. Она сказала, что всё то время, что она была с ним рядом, её душу обжигал какой-то не земной огонь. Он не просто обжигал, но всё время пока они ехали вместе, ей казалось, что окалина из грязи душевной, осыпалась дождём превращаясь в прах. От неё Феофил и узнал содержание исповеди, пусть не полностью, пусть с искажениями, но если бы он верил действительно полностью, то он точно бы решил, что Создатель послал на Землю Архангела. Но Феофил не верил в чудеса и всегда пытался найти во всём рациональное зерно, да и основной его инструмент-деньги не оставляли места для чудес. Но ему стало понятно, использовать парня в своих целях будет очень затруднительно, если и вовсе возможно.

Демченко, в конце концов решил, что нужен прямой контакт с Вадимом. Просто вся имеющаяся информация, противоречила сама себе. То, что Вадим причастен к смерти Де-

да и его сообщников, у него даже не вызывало сомнения. Надо было только понять каким образом. Косвенным способом этого сделать не удастся, а стало быть происходящее может решить только уже личная встреча. Демченко дождался Вадима у подъезда его дома и предъявив Вадиму свои документы попросил его уделить ему время для личной беседы. Демченко удивился на сколько усталым выглядел парень. Тени залегли под глазами, осунувшегося лица, окаймлённого волосами с ранней сединой. И только глаза, жившие отдельной жизнью, полыхавшие болью, но не своей, а болью за всех окружающих, приковывали к себе взгляд собеседника. Было и ещё, ощущение пламени, обжигающего душу, выжигающего всю скверну из неё. Это было одновременно и больно и в тоже время вызывало блаженное очищение, казалось, что ещё немного и душа воспарит.

Парень посмотрел на него и согласился, правда предупредив, что для начала он должен выгулять своего четвероногого друга. Демченко согласился с предложенной программой, после чего они вместе поднялись в квартиру к парню. На пороге их встретил радостный щенок, не обращая внимания на Демченко, щенок старался получить как можно больше ласки от Вадима. Пока Вадим переодевался, Демченко осмотрелся, скудно, если не сказать, аскетично, выглядевшая комната. Поражало полное отсутствие электроники, ни телевизора, ни компьютера. Отсутствовал даже самый простенький музыкальный центр и приёмник. Всё это как-то

не вязалось с возрастом Вадима, как и почти стерильная чистота помещения. Но вот вышел Вадим, уже одетый в потрёпанные простенькие джинсы и такую же поношенную рубашку, он одел кроссовки и позвал Демченко, только глянув на щенка. Но Демченко показалось что Вадим позвал щенка и тот подбежав к двери остановился, ожидая дальнейших команд.

Они долго бродили по дворам около дома Вадима молча. Щенок исследовал окрестности, причём часто подбегая к Вадиму, как-бы что-то спрашивая, затем отбегал опять занявшись своими делами. Демченко всё больше и больше удивлял Вадим, от него исходило ощущение что он не здесь, а где-то очень далеко. При этом было впечатление что он постоянно прислушивается к другому спутнику, который ему что-то рассказывает нечто интересное и важное. Демченко, ощущал себя перед Вадимом маленьким мальчиком, который очень хочет задать взрослому вопрос, но не знает, как это сделать. Но вот и прогулка приблизилась к концу. Вадим повернул к дому и щенок, обогнав их побежал впереди. Когда они проходили мимо ночного магазина пара алкашей, выпрашивающих у проходящих малой толики денег, на опохмел души, вжав свои включенные головы, отступили освободив им дорогу и отступили в тень с испуганными выражениями лица. Скользнув, взглядом по их лицам, Вадим сморщился, как будто проходил мимо гниющей мусорки. Затем они поднялись в квартиру к Вадиму. Щенок, забежав в ван-

ную комнату остановился, ожидая, когда Вадим помоеет его лапы, причём за всё время он ни разу не залаял.

Но вот Вадим обиходил это маленькое создание, после чего так же молча указал Демченко на кухню. Небольшая кухня, была так же аскетична, как и остальная квартира, но очень домашнему уютная. Поставив, чайник на плиту, Вадим достал заварку, две кружки и сахар. Появились чайные ложки, резанный лимон и сушки с маком. Затем заварив чай, он сел на табурет напротив Демченко и посмотрел тому в глаза. Пришло время разговора, надо было с чего-то начинать, а у Демченко никак не складывалось начало разговора.

– «Вадим, когда я шёл к вам у меня было множество вопросов, а вот теперь сижу и не знаю, как начать»

– «Знаю Анатолий Валерианович, но прежде всего поймите, что Экклезиаст не даром сказал: „Во многие знания, многие печали. Умножая знания, преумножаешь печаль“. Вот и сейчас вы готовы умножить печаль?»

– «Не знаю, но знаю, что, не задав вопросы, буду всю оставшуюся жизнь мучиться. Поэтому вы уж простите, но я готов умножить печаль. Вадим скажите это вы разобрались с Дедом и его бандой? Это вы отправили ребят в больницу?»

– «Допустим, но вы в состоянии это доказать?»

– «Конечно нет, но мне надо для себя понять это. Но это ещё не всё, произошедшее в хосписе это тоже ваше дело?»

– «Х-м, это в общем-то две стороны одной медали. Мне её вручили, не спрашивая моего согласия. Более того для меня

цена была велика, а если точнее размером в мою жизнь»

– «Вадим я не буду вас спрашивать, как вы это сделали, вы наверняка всё равно не скажете. Но, скажите, получается и судья, и палач в одном лице, так?»

– «Не совсем, но достаточно близко. И что это вам дало?»

– «Вадим, и так вы можете с любым? Ну просто убить его?»

– «Интересно, вот сейчас вы прямо меня назвали убийцей. Т.е., осудили заранее, но ранее вы задали вопрос о моём судеюстве, ну а у вас есть такое право, право осуждения?»

– «Конечно нет, поэтому снимаю этот вопрос, и прошу прощения»

– «Принимается, но отвечу всё же на ваш вопрос. Да могу так поступить с любым, но вот ответственность за правильность решения запредельна. В отличии от нашего несовершенного мира, тот кто мне дал это право, он же это уравновесил ответственностью. Да и не прекращал я жизни людей, просто стёр живых мертвецов и не более того»

– «Как это живых мертвецов?»

– «Анатолий Валерианович, вы хоть себе представляете сколько их бродит по нашей земле. Внешне живой, но с мёртвой разлагающейся душой. Вот бродит такой и отравляет всё вокруг себя. Улыбаясь, всё в окрест заливает трупным ядом своей души. Знали бы вы сколько, отравленных этим живым мертвецом, вскорости так же умирают»

– «Интересно было бы узнать про себя, наверное, вы уже

меня взвесили, коли решили со мной поговорить»

– «Конечно. А по поводу вас, скажу так. Для меня люди укладываются в шкалу двух цветов от белого к чёрному, с градациями оттенков. Но это предварительная оценка, основой служит запах души. Так вот, в моих глазах вы светло-серый, с достаточно нейтральным запахом. Я ответил на ваш вопрос?»

– «Вполне, но, если можно ещё один вопрос. Излечение возможно для всех?»

– «Анатолий Валерианович, ну зачем вы лукавите? Вы же не очень верите в это. Вам кажется это каким-нибудь шарлатанством, ведь так?»

– «Да, поймите Вадим, после Кашпировского с Чумаком и их клонов, с большим недоверием относишься к таким явлениям»

Вадим посмотрел на Демченко, вокруг правой коленки у него пылало пламя. Прикрыв глаза, он втянул эти языки в себя. Было интересно как менялось выражение лица Демченко, от нейтрально-вежливого, до удивлённого.

– «Вадим вы что-то сейчас сделали со мной?»

– «Зачем долгие разговоры, когда есть возможность показать сам процесс. Как ваше колено Анатолий Валерианович, надеюсь вы не в обиде на меня за такую демонстрацию. Я понимаю, что вначале должен бы был испросить вашего согласия, но всё же»

– «Вадим, но что там болело?»

– «Ну, Анатолий Валерианович, вы слишком многого от меня хотите. Описывать вам как я это вижу, не имеет смысла. Даже описания одного и того же цвета, разными людьми будет разным. Так что не стоит»

– «Хорошо Вадим. Тогда последний вопрос. Будут ли ещё такие смерти?»

– «Ну, а если будут, вы против? Но, учтите Анатолий Валерианович, я пока только защищался. Во всех случаях инициатором был не я»

– «Но ваша соседка, как она то вписывается в вашу схему?»

– «Есть просто мертвецы, а есть вампиры, вот она была из них. Кол осиновый я не вбивал, но использовал очищающее пламя. Если у вас больше нет вопросов, то прошу прощения, у меня завтра целый рабочий день»

Глава 14

После разговора с Демченко прошла неделя и вдруг опять пришли сны. Вадим видел свою линию в окружении мельтешащих линий грязно-серого цвета. На следующую ночь он услышал голоса этих линий, кричащих что именно они посланники Создателя. Они разными голосами, но с низко визгливыми нотками, призывали страждущих жертвовать на благо их «церквей», обещая при этом избавление от страданий. Более тяжело было видеть, как многие линии, охваченные пламенем, стремились к этим мерзавцам и некоторые осыпались пеплом замирая.

Отец Фома был просто в отчаянии, вокруг храма появилось много предприимчивых людей, создающих секты. Но он ничего не мог им противопоставить, в своих проповедях он призывал не верить этим лжецам и это не понравилось новоявленным «мессиям». Отцу Фоме, откровенно стали угрожать физической расправой, были и такие что предлагали деньги в обмен на то что отец Фома упомянет их в положительном тоне, но после его отказа, переместившись в лагерь угрожающих. Фома молил пред образами, что бы Спаситель опять привёл Вадима в храм.

Была очередная суббота, ещё с утра отец Фома выслушал угрозы по меньшей мере от троих. Во время проповеди он рассказал, что Спаситель отвергал секты, но призывал при-

хожан давать отпор лжепророкам и верить только истинной церкви. Тут в распахнутые двери ворвались человек десять, вооружённых дубинками и цепями. Фоме стало ясно, в этот раз его земной путь скорее всего прервётся, и он приготовился с честью принять мученический конец. Но вдруг нападавшие застыли, их лица исказила гримаса дикой боли, под купол церкви взвился вой боли. Они лежали на полу извиваясь от болей, плача кровавыми слезами, затем выгнувшись они опали кучками мёртвых тел. Прихожане в ужасе смотрели на эту картину, затем кинулись на выход из храма. Отец Фома стоя на коленях возносил благодарственную молитву, когда услышал крики ужаса с улицы. Он поспешил выйти, чтобы узнать в чём дело.

В скверике перед церковью лежали неподвижные тела, все как один вооружённые дубинками, цепями и монтировками, дальше по земле каталась пара тел лжепророков, ещё тела четыре лежали, не подавая признаков жизни. Поодаль сидел ещё один, сразу было видно, что разум его покинул, оставив только пустую оболочку. Крестясь Фома просил Создателя, простить этих неразумных и принять их к себе, про себя он благодарил Вадима за своё спасение. Но сколько Фома не всматривался он не видел Вадима. Взвывая сиреной, у скверика затормозило, наверное, сразу три машины ППС. Из них выскочили наряды, оцепляя и скверик, и храм. Точно так же, с сиреной во двор храма ворвались машины Следственного комитета, МУРа и Прокуратуры. Следственные

бригады наполнили храм, деловой суетой. Вспыхивали лампы фотовспышек, врачи осматривали тела и пострадавших. Следователи брали показания у свидетелей, правда пока никто не подходил к отцу Фоме, в растерянности застывшему на паперти храма.

Во двор храма вплыла машина Патриарха, за ней въехало ещё четыре машины, сопровождающих Патриарха лиц. Следом приехал мэр Москвы. Никогда храм не видел такого количества лиц такого уровня. Возле сквера были припаркованы машины МЧС, пожарников, несколько машин «Скорой помощи». Как бы отец Фома не относился к Патриарху, он подошёл, испрашивая благословления. Стоящий, за Патриархом епископ Феофил с изумлением взирал на происходящее. К Патриарху подошёл полицейский в генеральском звании и вежливо попросил Патриарха разрешить опросить отца Фому, других служек и братию. Патриарх, благословил генерала, но попросил разрешения присутствовать при опросе отца Фомы.

Пройдя, в кабинет отца Фёдора и уместившись на предложенных стульях, генерал предложил присесть и отцу Фоме. Было видно, что генерал в растерянности, затем он собрался с мыслями и начал спрашивать, что и как всё это произошло. Отец Фома, отвечал честно и в полном объёме, избегая говорить о всём что предшествовало этому случаю. Он знал, что Феофил внимательно слушает, то что рассказывает отец Фома, ведь вернувшись Тоня рассказала всё, ничего не скры-

вая. Фому просто убило что епископ из верхушки православной церкви, не просто связан с бандитами, а и ещё даёт им задания. Рушились опоры веры отца Фомы, он всё чаще вспоминал разговор с Вадимом, всё больше находя в нём для откровений.

Разговаривая, с генералом он вспомнил что ему говорил Вадим.

– «Отец Фома, поймите, что в первую очередь разрушается душа. Разве Спасителя предали не иудейские патриархи? Иуда был не более чем инструмент. До прихода Спасителя они обладали всей полнотой власти и даже Понтий Пилат был вынужден им подчиниться. Во время прихода Спасителя они уже и сами не верили в Создателя. Вот и сейчас отцы нашей церкви идут по пути тех же иудеев, отторжённых от отца всего сущего. Сейчас, да и ранее Золотой телец заменил им веру»

– «Вадим, ну не все же поддались искусству лукавого. Многие сподвижники, отказываются от земного ради приближения к Создателю. Так что есть ещё отдавшие себя беззаветной службе Создателю и Спасителю»

– «Да? Вы считаете это достоинством? Спаситель пришёл служить людям, как это было сказано в Евангелие. Служат ли патриархи нашей церкви обществу? Кто как не церковь должна бы заботиться о душе. А теперь скажите сами, на сколько она стремится к этому?»

– «Ну, Вадим, здесь вы не правы, сколько приютов, вот

и у нас хоспис действует, сколько раздаётся милостыни и другой помощи»

– «Фома – это внешняя атрибутика, типа той что вы беспокоились о моём крещении. Общество больно душой, любые мерзости находят себе оправдание, потому, как и патриархи им подвержены. Разве при избрании патриарха не интриги являются основой выбора?»

– «Вадим, кто без греха, стоит ли вот так безапелляционно судить. Каждый на своём месте делает что может»

– «Что же, можно и не судить, ведь даже живущий на свалке, привыкает к вони гниения. Вот потому то я не хочу, даже формально, через крещение быть связанным с церковью, как с организацией. А сюда прихожу как посторонний»

Феофил внимательно прислушивался к показаниям отца Фомы. После него генерал опросил других служащих. Но всё складывалось так, что объяснения произошедшему невозможно дать. У следственных органов не было даже версии, для объяснения произошедшего. Феофил, вдруг понял, что то с чем сейчас они столкнулись, выходит за рамки его реального мира, так же он понял, что это может быть для него смертельно опасно. Патриарх, молча сидевший пока длился опрос свидетелей, размышлял о происходящем. Просто последнее время, произошло многое что может послужить как возвышению церкви, так и её падению. Вначале чудодейственные излечения, потом как кара небесная на сектантов. Он понимал, что разгадка где-то близко и очень сожалел что

поручил разобраться с излечениями своему «тайному» противнику епископу Феофилу.

По окончании следственных действий, генерал поблагодарил и откланялся. Патриарх смотрел на Фому, пытаясь по мимике лица понять его мысли. Остальные находившиеся в кабинете тоже молчали, боясь нарушить ход мыслей Патриарха. Он ещё не много помолчал потом произнёс.

– «Оставьте нас с отцом Фомой наедине. Займитесь неотложными делами храма»

Все поклонившись Патриарху покинули кабинет.

– «Отец Фома, расскажите мне пожалуйста всё что вы знаете. Прошу Вас, не утаивать ничего. Вопрос очень серьёзный, наши неправильные действия могут принести церкви невосполнимый ущерб»

– «Не более месяца назад в храм пришёл необычный человек. Странность была в том, что он разыскивал старца Зосиму, умершего вначале прошлого века. Причём он сказал, что этот его приход не первый и в прошлый раз с ним разговаривал Зосима, после чего тот отвёл этого человека в хоспис, где тот излечил безнадежно больного. Я, разговаривал с этим больным, он довольно точно описал старца Зосиму и этого парня. Но в тот раз я не поверил в рассказанное, тогда парень предложил повторить излечение в моём присутствии. Каюсь, решил, что это очередной шарлатан провёл его к Николаю Васильевичу. На тот момент, врач наблюдавший Николая Васильевича, ожидал развязки трагедии, что назы-

вається з минути на минуту. Но случилось чудо, он излечился. Я видел, что парню это далось с трудом, он даже не удержался на ногах. Позже он, опять придя в храм опять свершил чудо, но предупредил меня, что меня ожидают многочисленные допросы, теми кому я не смогу отказать. Причём он обмолвился, что была у него мысль лишить меня памяти, но он её отверг как недостойную.

Затем начался сплошной кошмар, храм просто атаковали сектанты. Они влезали во все щели, обещали излечение и рай на земле. Люди, на краю могилы, склонны поверить в любую сказку, лишь бы только надежда не умерла. Я боролся всеми доступными мне способами. Обращался в полицию, в своих проповедях пытался отвлечь прихожан от лжепророков. Вот сегодня они решили, руками одурманенных ими людей, лишить меня живота, что бы более не мешал. И видите это им не удалось, божьим попущением»

– «Отец Фома, вы многое умалчиваете, почему?»

– «Ваше святейшество, прошу прощения, но я связан обетом молчания. Прошу вас позволить мне не раскрывать тайну исповеди, даже вам»

– «То есть отец Фома вы его исповедовали?»

– «Да, ваше святейшество, но здесь всё очень сложно. Честно говоря, возникшие противоречия меня приводят в растерянность»

– «Ну хорошо, отец Фома, в чём противоречия, можете не нарушая тайну исповеди, рассказать мне»

– «Ваше святейшество, он некрещённый, но истинно верующий в Создателя, ему много дано, но многое с него будет спрошено. Он верит в Создателя и Спасителя, верит в православную церковь, но не верит иерархам церкви. Приносит избавление от болезни достойным. Как всё это можно уложить в прокрустово ложе логики, не знаю»

– «Н-да, сложный человек, прямо скажем. Ну а теперь, о том, что произошло сегодня. Я вижу, что вы знаете, но почему-то умалчиваете. Всё же в церкви лишились жизни люди, а это противно нашей вере. Да и представители светской власти будут искать причину этих смертей»

– «Ваше святейшество, вот здесь и начинаются мои домыслы. Но они основаны на исповеди, а поэтому увольте меня от ответа. Пусть полицейские ищут, трудно найти чёрную кошку в тёмном помещении, особенно если её там нет»

Патриарх с недовольным выражением лица встал и вышел из кабинета. Всем своим видом он выказывал недовольство отцом Фомой. Это сразу заметили все окружающие и стали сторониться от него, как от прокажённого. Отец Фома смотрел на всё это с горькой усмешкой, он понимал, что его отстранят от прихода и скорее всего сошлют куда-нибудь в отдалённый монастырь, что называется «с глаз долой из сердца вон». Жаль было расставаться с храмом, ставшим таким родным, но честь она дороже. Что ему было уготовано он примет со смирением.

Глава 15

Патриарх вернулся в свою резиденцию, в отвратительном расположении духа. Какой-то заштатный настоятель бедной церквушки, отказался ввести самого Патриарха в курс дела. Главное, что и формально, он мог это сделать, обет данный некрещённому не обладал силой. Значит придётся этому приходу сменить настоятеля, надо будет только подобрать нового настоятеля из своих. Странно, при этих мыслях у него вдруг разболелась голова и стали ныть колени. Пока он входил в свою резиденцию, весь облился потом и сердце заходило в бешеном ритме. Сказавшись больным, он прилёг и попросил пригласить к нему доктора. К приходу доктора состояние Патриарха не улучшилось, даже пришлось принимать лекарства. Но даже в таком состоянии Патриарх не переставал думать о приходе храма Вознесения Господня.

Позже, когда ему полегчало, он вызвал секретаря и распорядился просмотреть списки претендентов на должность настоятеля. В тот момент, когда он начал формулировать задачу, ему снова стало очень плохо, плюс появились боли в суставах, преодолевая себя, он всё же отдал все распоряжения, после чего его доставили в покои и была вызвана «Скорая помощь». Приехавшая бригада, осмотрев Патриарха, решила, что лучше будет его госпитализировать, под постоянный надзор медперсонала. И на неделю Патриарх был изолиро-

ван от мирской суеты и всех дел.

В то же время в кабинете у начальника УВД Москвы, собрался довольно пёстрый коллектив, здесь присутствовал мэр города, всё верхнее руководство УВД, был референт главы правительства страны. Все гомонили, в ожидании прихода владельца кабинета. Того срочно вызвал сам Президент, которому он доложил о произошедшем и действиях оперативно-следственной группы. Дело в том, что в связи с чудодейственным излечением безнадежно больных в хосписе храма, редакции многих газет и телеканалов направили своих репортёров к храму. И надо же было случиться такому, что телеканал, оппонировавший власти именно в этот день прислал съёмочную группу, было ощущение, что кто-то сообщил им о предстоящих событиях заранее. Поэтому уже, наверное, не было в мире средства массовой информации, не отреагировавшей на уникальные кадры, показанные в прямом эфире. Кадры были изъяты у телеканала как вещественное доказательство, но уйти в эфир они всё же успели.

Вот и случилось что маленький храм, прогремел на весь мир, религиозные деятели всех конфессий, просто заходились в истерике. Были даже требования предоставить этот храм, вроде как находящийся под покровительством высших сил, для всех и ввести там коллегиальное управление. Вот поэтому-то и попал он в поле зрения власть предержащих страны. Было интересно, что запросы с просьбой предоставить материалы следствия о причинах гибели людей у хра-

ма были присланы многими странами Евросоюза, Латинской Америки и США. Хотя последних очень интересовало, кто выжил в этом локальном Армагеддоне, всё же деньги заплаченные представителям сект, с целью очернения православной религии были не малыми, да и сами секты, часто выступали как помощники ЦРУ. Секты, поставляли немало ценной информации, а иногда и были центрами негласного воздействия.

Так что отец Фома просто спрятался в храме, стараясь его не покидать. УВД Москвы даже было вынужденно предоставить постоянную охрану храму, слишком много появилось Геростратов. Город тоже бурлил, теперь каждая странная смерть приписывалась божественному воздействию, а следственные органы просто изнемогали по причине необходимости рассмотрения этих дел «под лупой» и в срочном порядке. Фоме было интересно понаблюдать как о Николае Васильевиче, вдруг резко вспомнили все его родственники, ранее бросившие его в хосписе. Они всеми силами пытались прорваться в хоспис, и это даже не смотря на то, что Николай Васильевич, к тому моменту набравший форму, выкинул сына, запретив пропускать к себе хоть кого-нибудь из этой когорты. Было странно и ещё то что, по меньшей мере, шестеро безнадежно больных точно так же резко излечились.

Излечение двоих произошло в присутствии отца Фомы, и тот не мог избавиться от ощущения присутствия при этом Вадима. Это ощущение было почти на физическом уров-

не. Из Патриархии, пока не поступало ни каких распоряжений и известий. Много было разговоров о внезапной болезни Патриарха. И в этом случае у Фомы было чувство, что это дело рук Вадима. В храме появилось очень много новых прихожан, причём эта публика вызывала у отца Фомы, отвращение, слишком много гламурных дам и высшего чиновного люда с глазами снулых рыб светилось собственной важностью в полумраке. Площадь у храма и вовсе превратилась в Садом и Гоморру, автомобили премиум класса, перемежались демонстрантами меньшинств, с требовательными плакатами. Не редко в храм пытались прорваться группки расхристанных людей. Спасало то, что МВД подошло к охране со всей серьёзностью, но отцу Фоме часто становилось просто душно от флюидов, растекающихся вокруг храма. Если раньше в хоспис попадали действительно страждущие, то теперь из секретариата Патриархии приходили списки людей, явно не столь больных, что бы получать утешения пред кончиной. Появилось много сварливых старух, с предельно завышенными требованиями. Надо сказать, ручеёк пожертвований превратился в полноводную реку. Отец Фома использовал малую часть на нужды хосписа и храма, а остальное отправлял в Патриархию.

И опять читая, этим «новым прихожанам» проповедь, Фома вспоминал разговоры с Вадимом.

– «Вадим, вы не правы, считая, что званых много, избранных мало. Вера должна быть открыта для всех, неваж-

но каким путём человек придёт к Богу. Главное что бы он пришёл»

– «Эх, отец Фома, придя в храм, не многие придут к Богу. Для многих это будет просто статусное предприятие. Вспомните недоброй памяти первого российского президента, сколько обросших жиром, больных зеркальной болезнью теннисистов вдруг появилось на теннисных кортах. Что вы полагаете, что они там появились ради здоровья и развития своего тела? Нет, это было престижно, много ли в Советском Союзе говорилось о большом теннисе, спорте богатых снобов. Просто это статус, как „Майбах“ или яхта. Так и здесь, присмотритесь к лицам, что показывают в телетрансляциях, стоящими в храмах за президентом. Вы верите, что они в храм явились за верой, не делайте мне смешно, как говорят в Одессе»

– «Но Вадим, может они вначале придут ради статуса, а потом в Бога уверуют, они же люди»

– «Отец Фома, сытый и самодовольный никогда не придёт к Богу, ему и без него хорошо, а иногда Бог им просто мешает, и они рады были бы, если бы его не было. Наш Спаситель не их Бог. Их Бог реален донельзя. Его можно пощупать и даже пересчитать, именно он даёт им все блага, исполняет их даже безумные фантазии. Они в большинстве своём потомки, отливавших Златого тельца и другого Бога им не надо. Вспомните протестантскую идеологию веры „если много зарабатываешь, значит, Бог благоволит“, разве не так? Пой-

мите же вы, наконец, что нет в них души, а значит, и для Бога их нет»

Вот только сейчас, Фома начинал понимать, что ему хотел сказать Вадим. И от этого понимания ему становилось горько, где и когда они потеряли свои души. Он понимал, что его проповедь глас вопиющего в пустыне. Он растеряно стоял и думал, проповедь давно закончилась и храм опустел. Раньше после проповеди люди оставались, что бы постоять пред иконами и обратиться к Богу. Теперь же пустота, храма была звенящей, даже служки и братия исчезли, иметь дело с изгоем себе дороже. Горечь разливалась в душе, отец Фома подумал что может, стоит самому отказаться от прихода и попроситься куда-нибудь в глушь, где до ближайшего населённого пункта будет сутки автотранспортом. Шаги прозвучавшие, в этой глухой тишине, были наподобие шагов Командора. Фома поднял глаза и наткнулся на пылающий взгляд Вадима. Он покачал головой.

– «Нет, Фома и в глуши ты не найдёшь покоя. Душа будет болеть от твоего малодушия, стоит ли?»

– «Вадим, вы зря пришли, все в окрест ждут именно вас. Патриарх решил меня отлучить от храма, вот я и думаю, стоит ли ждать этого официального известия»

– «Фома, вы думаете, что Спаситель не знал, что будет поруган и распят? Знал, но это было нужно, а поэтому испил свою чашу до дна. Подумайте о том, что ваш крест, достучаться до душ и нести вам его до скончания дней ваших»

Затем Вадим повернулся и ушёл, размерено шагая, провожаемый любопытным взглядом полицейского у входа. Как ни странно, но после этого Фоме стало много легче. Он даже поспешил выйти на паперть, желая ещё переговорить с Вадимом, но не смотря на то что прошло не более пары минут, того нигде не было видно.

Глава 16

По выходу из больницы Патриарх собрал совет Московской Патриархии, основной вопрос это замена пастыря в храме вдруг ставшего чрезвычайно знаменитым и посещаемым. Тем более паства там разительно изменилась, практически весь правящий слой, проживающий в Москве, поспешил отметиться на проповедях в этом храме. Поговаривали, что и президент собирается посетить это загадочное место. Тем более поток пожертвований храму, принял довольно не приличные размеры, что бы оставаться в ведении простого священника. Да он мудро отправлял большую часть в Патриархию, но это не меняло сути вопроса. Было не мало, других священников, не столь независимых. Если прислушаться, наверное, можно было услышать подсчёты вероятностей. Запах интриг сгустился так, что из него можно было бы резать кирпичи для здания предательств и подстав.

Патриарх сел сам, разрешая занять свои места. Потом оглядев их всех, произнёс.

– «Помолимся братия, что бы Господь не попустил, и дал нам разума принять правильное решение. Вы все наверняка знаете о последних событиях, свершившихся в нашем приходе Вознесения Господня. Всё происходящее возможно повернуть к вящей славе Господней. А посему прошу вас высказаться»

Все, крестясь, пробормотали что-то вроде молитвы. Они сидели, не желая быть первыми, начавший, как правило, находится в очень не выгодном положении, он не в состоянии уже скорректировать свои слова, в соответствии с основными интересантами. Вот и сейчас за столом развернулась молчаливая схватка взглядов. Патриарх выждал ещё десяток минут и поняв, что никто не начнёт первым, понял что ему самому придётся выбирать жертву. Но задача тоже не из лёгких, разные интересы у всех этих руководителей, а ему надобно много учитывать, что бы и самому в накладе не остаться. Но он решил, что начнёт с явных своих противников. Кто там у нас, ага будет это руководитель по заграничным учреждениям.

Тот встал начал вести речь, но вдруг побледнел, его лоб покрылся испариной, выступившей крупными каплями. Тяжело оперся на край стола и сказал.

– «Прошу прощения, братия, но что-то мне дурно. Очень болит голова, а поэтому прошу прощения и прошу разрешения покинуть вас»

После чего покачиваясь, покинул кабинет. Следующим попытался говорить управляющий делами Патриархии, но его хватило буквально на пять минут, после чего он обмяк, потеряв сознание. Когда прибывшие врачи унесли мертвенно-бледного управляющего, все стали со страхом переглядываться между собой. Но после того как управляющий патриархией по Москве, чуть было не рухнул, с трудом

сдерживая дурноту, Патриарх понял что это как знак ему. Он отпустил всех испуганных церковных чиновников, потом истово молясь, наверно, в первый раз за всю свою карьеру, решил назначить на место отца Фомы, отца Варфоломея, своего верного клеветра, это последнее что он запомнил до потери сознания от головных болей.

Очнулся Патриарх уже в палате больницы, рядом сидела сиделка, напоившая уставшего старика чистой водой, после чего тот погрузился в сон. Московская патриархия гудела, как растревоженный улей. Одновременное выключение всего верховного руководства Московской Патриархии, вызвало много пересудов. А приезд СЭС, проверивший кабинет Патриарха, на все возможные газы и излучения, пустило слух, что на них было совершено покушение. Весь церковный мир в растерянности замер, не зная как реагировать, на происходящее. Окончательно придя в себя, Патриарх, уже не знал, как поступить, а поэтому пока решил оставить всё как есть.

В связи с произошедшим в храме, начальник УВД Москвы был вызван на доклад к премьер-министру. Но идя туда, он не знал что сказать, у следователей даже версии происшествия не было. Всё укладывалось в одну фразу «они умерли», было ясно лишь одно, это было прямое воздействие на нервную систему. Как такое могло происходить, никто себе даже не мог представить. Причём посторонние, не учувствовавшие в этом, не пострадали. Рассматривались версии

облучения, но они не выдержали критики. Вспомнили случай, получивший широкую огласку в узких следственных кругах, смерть банды уголовного авторитета по кличке Дед. Точно так же ни каких следов внешнего воздействия и куча трупов. Вот что говорить премьеру начальник УВД не знал.

Премьер был как всегда улыбчив. Поздоровавшись, он предложил присесть и попросил рассказать, что случилось и что делается? Начальник, замявшись, всё же рассказал о происшествии и признался, что следствие зашло в тупик. Премьер был очень удивлён, как же так, чего не хватает, что бы следствие, в конце концов, смогло бы найти причину или виновного. Начальник уверил его, что всё необходимое есть, а поэтому они приложат все усилия для быстрейшего завершения дела. Мысленно отдуваясь, он ожидал, что аудиенция сейчас завершится, но оказалось, что он ошибся. Как раз первый вопрос был для премьера не столь актуален, как тот что за чудодейственные излечения произошли за последнее время в Москве. Начальник УВЛ, попытался оговориться, что это прерогатива медицины, но после укоризненного взгляда своего визави, опять обильно потея, сказал, что они подключили к этому вопросу известных учёных. Но и здесь пока вразумительного ответа нет. Премьер, был очень огорчён, дело в том, что значительное число, далеко не бедных людей изъявили желание о посещении этого заведения и беседы с настоятелем. Он жизнерадостно, заявил, что разрешение на общение с настоятелем, ему наверняка предоста-

вит сам Патриарх. При этом он посетовал, что значительную часть этой валютной выручки, получит не правительство, постоянно нуждающееся в свободных средствах, а церковь. Вот на этом приём и был закончен.

Патриарх никак не мог выбросить из головы, то, что произошло у него в кабинете. Всё же всё больше фактов говорило, что как бы не наступило второе пришествие Спасителя. Страшно было отвечать за грехи, а ведь с служителей будет спрошено вдвойне. И непонятно было, почему он прячется и не ищет себе последователей. Настроение ему так же портило личное письмо Римского Понтифика, требующего для себя встречи с посланником Создателя. Странно было, что остальные христианские секты, затихли как мыши под венником. На этом фоне, выступления нетрадиционных меньшинств, было даже смешным. Ну, посудите сами, они требовали, что бы Посланник обязал Спасителя признать их и осудил уничтожение первого ростка демократии Содома и Гоморры, и не меньше. Точно мир сходит с ума, хуже всего было то, что эта встряска началась именно с православной церкви. Воистину лучше бы, если бы явление произошло в другой конфессии, в той же самой римской, по крайней мере, у него было бы время всё взвесить и принять меры. Проблемы множились в геометрической прогрессии, даже иудеи и те отметились, заявив, что это, скорее всего Машиах, а поэтому православная церковь не имеет права прятать его от истинно верующих иудеев.

Вот такие страсти, бурлили вокруг храма Вознесения Господня, но главное было то, что было неизвестно кто он и где он. Патриарх тяжело вздохнул, он понимал, что это только начало сонма проблем в будущем. Но знал из проверенного источника, что мусульманские пастыри собрались на закрытое обсуждение этой проблемы и одним из способов решения этой проблемы может стать фанатик-джихадист с поясом шахида. В этот момент раздался звонок его мобильного телефона, номер которого знали немногие. Глянув на номер, он просто скривился, как от зубной боли. Звонил премьер, личность довольно анекдотичная. Патриарх понимал, что президент сознательно держит этого клоуна на первых ролях, тот хорошо отвлекал внимание.

Премьер, бодрым голосом, сразу перешёл к делу. Наставления от настоятеля храма Вознесения Господня желали бы получить значительное число людей, обладающих властью и деньгами в других странах. Более того, они готовы даже сменить веру и испросить гражданство страны, осенённой благодатью. Патриарх про себя выругался, представив отца Фому, общающегося с этой публикой. Н-да, проблема выходила далеко за рамки внутренних разборок Московской Патриархии. Он заверил, что никто не будет чинить препятствий общению настоятеля с паствой, про себя решив, что он прямо сейчас опять отправится приход отца Фомы и попытается всё же договориться с ним. Выключив телефон, он распорядился, что бы подготовили машину, для поездки в храм.

Подъезжая к храму, Патриарх удивился изменения произошедшим за столь короткое время. Кругом царила чистота и порядок, цветники радовали глаз свежесажеными цветами. Не малых размеров паковочная площадка с чёткой разметкой и шлагбаумом на въезде. Большое количество полицейских в чистой и выглаженной форме, контролировали всю прилегающую территорию, правда, от некоторых из них за версту несло Спецназом ФСБ. Ограда ранее выглядевшая, слегка пятнисто от ржавчины, сейчас просто блистала свежей краской, приятного для глаз колера. При въезде во внутренний дворик храма, стоявший на въезде полицейский, отдал честь машине Патриарха. Во дворике толпилось не мало народа, хорошо узнаваемых по экранам телевизора. Группа строителей выкладывала новой бульварной плиткой, дорожку, ведущую к хоспису. В тени кустов стоял с обречённым видом, отец Фома. В его глазах плескалась тоска и отвращение. Благо весь этот бомонд, собравшийся во дворике, не обращал на него никакого внимания, ещё бы кто же обращает внимание на слуг, а в их глазах они достаточно заплатили, что бы чувствовать себя здесь хозяевами. Хорошо хоть женщины были с покрытыми головами и в юбках, а мужчины без головных уборов. Патриарх, даже посочувствовал Фоме, одновременно думая про себя, что может вот теперь, тот сам запросится куда-нибудь более спокойное место.

Глава 17

Фома опять с тоской вспоминал Вадима. Как ни странно, он стал служить для отца Фомы духовной опорой, не священник, а именно он стал тем скрепом, что не дал ему отчаяться в последнее время. Он с великим трудом читал проповеди, презирая всю эту пресыщенную публику, нашедшую себе новое развлечение. Фома старался подобрать проповеди как можно длиннее, ведь «пастве» приходилось всю проповедь стоять на ногах. Он, конечно, заметил приезд Патриарха и с досадой думал, что тот опять начнёт у него выпытывать всё про Вадима. Но, он не собирался больше сдаваться, слова Вадима горели у него в мозгу.

Патриарх понимал, что как только он покинет машину, на него все обратят внимание, а разговор требовал уединения, поэтому он послал служку к отцу Фомой, с просьбой, именно так, с просьбой, о разговоре у того в кабинете. Служка метнулся по дуге, что бы передать просьбу Патриарха. Сам же Патриарх покинул, с помощью секретаря, машину и проследовал в храм, раздавая окружающим благословления. Так неспешно шествуя, он добрался до кабинета Фомы. Тот, получив благословление, принялся ожидать новых докучливых вопросов. Патриарх молча сидел думая о чём-то.

– «Отец Фома, как вы думаете, это не второе пришествие? Всё же многое явленное нам, являл наш Христос в бытность

СВОЮ»

– «Не думаю, ваше Святейшество, скорее это архангел, тем более, Христос смерть смертию поправ, был вознесён. А он, тоже через смерть, пройдя, нам дарован»

– «Как это, через смерть пройдя?»

– «Он умер простым смертным от боли, воскрес Мастером Боли. Он может её дать, а может забрать, разрушив при этом источник боли. Более того он видит линии судеб и плотно сущего»

– «Вот как? Стало быть, он был простым смертным, и через смерть стал судьёй»

– «Истинно так»

– «Но почему он не хочет встречаться с иерархами церкви?»

– «Он считает, что церковь наша погрязла в грехах, как и иудейские патриархи. А поэтому не видит себя в лоне церкви»

– «Но он же приходит к вам в храм? И вас поддерживает? Не кажется, вам, что одно противоречит другому?»

– «Нет, отче, не кажется. Он разделяет „церковь“ и церковь. Для него церковь не равна вере, слишком много среди нас, таких для кого церковь бизнес и ничего более»

– «То есть он не считает нас достойными веры? Он что решил отделить зёрна от плевел?»

– «Что он решил, отче, мне не ведомо. Он не очень-то открыт и говорит, что считает нужным для дела в этот момент»

– «Хорошо, оставим это, хотя очень хотелось бы с ним пообщаться, уж очень он не прост. Да и если действительно первый раз его сопровождал старец Зосима, слово за него явлено. Случившееся не могло не повлиять ни на нашу церковь, ни на приход вами возглавляемый. Скажите, я вижу, у вас кардинально изменилась паства, как вам теперь, легко ли нести Слово им»

– «Трудно, отче, очень трудно. Многие из них „живые мертвецы“, у других душа, если и есть черства как хлеб из гробницы, сплошной порок им правит, зависть, тщеславие, жадность, гордыня и злоба, вот что их переполняет. Идя сюда, не к Богу они идут, а покрасоваться здесь пред другими такими же»

– «В том то и крест наш, сын мой, нести слово Божье, заблудшим душам. Но тут возникает и ещё одна проблема. Многие достаточно влиятельные люди, хотели бы посетить ваш приход и, возможно получить ваши наставления. Сложное это дело, но очень нужное, готовы ли вы, сын мой, к этому? Может вам в помощь стоит прислать знающего помощника?»

– «Не стоит, ваше Святейшество, мниться мне, что смогу я это вынести и сам. Не сочтите, отче, это за гордыню»

– «Хорошо, сын мой, только помните, что вся наша Святая Православная Церковь с надеждой смотрит на вас. И не стесняйтесь обратиться за помощью при надобности»

В этот момент, после стука, в кабинет влетел служка, было

видно, что он бежал из-за всех сил.

– «Прошу прощения, за беспокойство, но там. Там приехали, там, в общем, там президент приехал. Вот»

Патриарх поднялся, тяжело вздохнув, сказал.

– «Ну вот, видите, отец Фома началось. Что же идёмте, негоже заставлять ожидать таких людей»

И вышел из кабинета. Фома молча, ошарашенный этим сообщением проследовал за ним. На площади перед воротами храма уже выруливал кортеж. Чёрные лимузины, сверкая полированными боками, как хищные рыбы, плавно скользили по стоянке. Бело-голубые машины сопровождения окружили всю площадь, мерцающая световыми вспышками. Машина президента, мягко остановилась напротив ворот, распахнулась дверь и из машины вышел президент, но не один. Вслед за ним из чрева лимузина вылез бывший итальянский премьер-министр, друг нашего президента. О чём то, разговаривая на немецком языке, они двинулись к храму, на ступенях которого их ожидали Патриарх и отец Фома. Вся бомондная публика была мягко рассечена и отодвинута в сторону, освобождая проход.

Фома про себя, грустно усмехнулся, неужели и Президент тоже, такой же как публика во дворе. Вот они приблизились и на Фому глянули усталые, но внимательные глаза, что-либо прочесть по его лицу, было затруднительно. Президент подошёл, поздоровался с Патриархом, затем ещё раз взглядевшись в лицо отца Фомы, вдруг как-то беззащитно улыбнулся

и поздоровался с ним.

– «Вот, отец-настоятель, мой друг очень хочет посетить ваш храм и хоспис, вы не будете против?»

– «Добро пожаловать, господин Президент, мы очень рады видеть вас в нашей скромной обители. Прошу вас только об одном, не ожидайте чудес»

– «Да мы и не ждём чудес, но хотели бы посетить храм. Насколько я знаю, он был построен где-то в конце семнадцатого века, это так?»

– «Вы правы, но за время запустения в советское время, увы многое потерянно. Я не никого не обвиняю, просто очень жаль фрески. Думаю, что вы и сами увидите, то, что удалось найти. Прошу, Вас проходите»

Отец Фома отступил, открывая вход. Президент зашёл вместе с другом, внимательно разглядывая, что ему открылось. Взяв из короба свечи, он положил туда деньги. После этого молча, стал обходить иконы. Ставя перед ними свечи, он стоял пред ликами святых, как бы общаясь с ними. В конце он долго стоял пред ликом Спасителя, долго вглядываясь в него. Было ясно, что он молится, затем поклонившись иконе, вышел из храма. Уже на улице, он о чём-то говорил с итальянцем. Потом повернувшись к Фоме, попросил его подойти.

– «Отец-настоятель, мы хотели бы посетить хоспис и поговорить с любым из излечившихся. Это возможно? Мы не помешаем?»

– «Конечно, не помешаете, только из всех поправившихся остался профессор Николай Васильевич Аграновский. Просто, его болезнь зашла так далеко, что даже излечившись он долгое время ещё восстанавливался под наблюдением врачей. Ещё одна причина его нахождения здесь в том, что отдав его в хоспис, родные просто забыли о нём. Это сильно его ранило и он более не хочет возвращаться к ним»

– «Постойте Аграновский, это же он занимался МГД генераторами. Я полагал, что он умер, а оно вон как. Тем более будет интересно поговорить с ним, он всё же учёный и думаю, у него есть своя версия. Но это возможно? Я имею в виду переговорить с Николаем Васильевичем»

– «Не думаю, что он откажет вам, более того он наверняка захочет вам что-нибудь предложить. После излечения он просто фонтанирует энергией и проектами»

Глава 18

Вадим по-прежнему обретался в архиве, хотя даже там ему было тяжело. Та отдушина, больного ребёнка, что он нашёл, сканируя окрестности, исчезла. Видно родители, после его выздоровления, куда-то уехали. Радовало только то что до отъезда этого неизвестного ребёнка, он успел полностью его пролечить. ГИП помогал Вадиму, считая, что он прячется в архиве, чтобы не отвлекаться. Но случилось непредвиденное, в один из дней он не вышел на работу, всем сообщили, что он серьёзно заболел, и теперь бюро будет руководить ведущий инженер Николаев. Тот не замедлил воспользоваться сложившейся ситуацией и запретил Вадиму работать в помещении архива. Нахождение в общей комнате вызывало общий дискомфорт у всего бюро. Вадиму было очень тяжело терпеть этих «сотрудников», вонь стояла просто не выносимая. «Сотрудники» тоже были напряжены, они себя ощущали находящимися рядом с мощным трансформатором, готовым обжечь любого.

Мало всего этого, Николаев отобрал все разработки у Вадима, и посадил его за нудные задачи пересчёта коэффициентов, которые даже в принципе были не особо нужными. Угол, где сидел Вадим, оказался как бы отгороженным пустым пространством от остальных работников, ну не хотели они даже приближаться к нему. Комок в груди, давил и было

очень трудно сдерживать холодное пламя внутри себя. Через некоторое время, он ощутил связь с постояльцами хосписа, их образы отпечатались у него в душе. И он смог до них дотянуться. На радостях, Вадим излечил почти одновременно шестерых самых тяжёлых больных, подтопив комок и сбросив накопившееся напряжение. Правда, при этом немного не рассчитал и у него носом пошла кровь, появилась сильная слабость. Но на душе стало много легче.

Кокон отчуждения вокруг него стал ещё больше, видно мощностъ энергетики, использованная Вадимом, была на подсознательном уровне воспринята окружающими его. От него все сторонились. Николаев, продолжал цепляться к Вадиму всевозможными способами, он старался подобрать ему самые нудные и ненужные работы, от которых, как правило, отлынивали все остальные. Вадим терпел, хотя несколько раз было желание плеснуть в Николаева факелом. В один из дней Николаев вызвал Вадима в кабинет ГИПа. Разговор был им начат в высокомерной и презрительной манере, хозяина отчитывающего нерадивого работника.

– «То, что тебя, не понятно почему, выделил Валентин Андреевич, не даёт тебе права манкировать своими обязанностями. Ты отказался распечатать отчёт, Макеева передала тебе его по моему распоряжению. Тем более ты оскорбил Полину Дмитриевну, своими поведением. Что ты можешь сказать на это?»

– «Простите, а чем я её мог оскорбить? Тема отчёта да-

же не нашего бюро, а вы сами обязали меня подчитать коэффициенты расхода противообледенителя, поставив жёсткий срок. Если бы я распечатал этот отчёт, то не успел бы произвести расчёт к поставленному вами сроку»

– «То, что ты считаешь как первоклассник, это твои проблемы. Значит так ещё один такой отказ, и можешь себе искать работу. Ну что вылупился щенок, можешь хоть просверлить меня своими зенками, но ты здесь работать не будешь, а теперь пошёл отсюда»

Вадим даже прикрыл глаза, чтобы не сорваться, молча он повернулся и ушёл. Зайдя в бюро, никого не видя, он, подошёл к своему месту и сел. Ещё раньше, пару дней назад во сне он понял, что ему действительно надо скрыться куда угодно, но скрыться. То, что до сих пор на него вышел только один Демченко, можно считать подарком судьбы. После того как он защитил отца Фому у него осталось очень мало времени. Один вопрос, куда и на сколько? В принципе в районе Братска у него был дом, оставшийся от отца, в километрах пятидесяти севернее, даже не дом, а скорее хутор. Придя в себя, он поднял глаза и удивился, прямо перед ним сидел зам начальника первого отдела предприятия, в чине полковника ФСБ. В руках он держал папку и внимательно смотрел на Вадима.

– «Это ваша работа?»

Он положил папку на стол, так что Вадим смог прочесть название темы. Он узнал одну из тем, что разрабатывал,

но не успел закончить, когда Николаев их у него изъясил

– «Уже нет»

– «Простите, это как? Николаев сказал, что это ваша разработка»

– «Я не успел закончить, когда меня отстранили. Я её не закончил»

– «А вы можете указать место, на котором вы остановились?»

– «Не вопрос, но дело в том, что И. О. ГИПа, меня загрузил, так что вряд ли я успею»

– «Ну, я думаю, что этот вопрос мне удастся решить, а вас попрошу пока найти то о чём я вас просил»

Он встал и вышел из бюро. Все с испугом смотрели на Вадима, запах страха, за содеянное, истекал от них вязкой папкой. Глубоко вздохнув и закрыв глаза, что бы успокоить ледяной комок в груди, рвущийся наружу протуберанцами холодного пламени. Он открыл папку и стал быстро просматривать расчёты, пару раз хмыкнув, он удивлённо поднял брови. В этот момент в бюро вернулся полковник, в сопровождении угодливо-подобострастно, стелящегося за ним Николаева. Николаев, обтёк, по-другому не скажешь, полковника и обратился к Вадиму.

– «Вадим, отложите все дела и максимально помогите господину полковнику, кстати, вы можете уединиться в архиве»

Уже в архиве, полковник сел за стол рядом с Вадимом и спросил.

– «Вадим сколько вам нужно времени? Может мне прийти попозже?»

– «Не стоит, я уже просмотрел ту часть что выполнял. Но, чёрт возьми, кто внёс эти бредовые вставки. Они же полностью ломают концепцию расчёта»

– «А сколько вам понадобится времени просмотреть всю работу и если можно отдельно на бумаге прошу составить перечень изменений. И если можно по той части, выполненной не вами, попрошу записать ваши мысли»

– «Вы можете подождать и здесь, думаю, минут сорока мне хватит»

Вадим вытащил пачку писчей бумаги и стал очень быстро писать, местами рисуя диаграммы и графики. Когда он стал изучать окончание, он не выдержал и у него вырвалось.

– «Что за бред пьяного ёжика, если бы изделие сделали по этому расчёту, оно бы должно было бы взорваться при пуске. Надеюсь, такого не произошло»

– «К сожалению, произошло, стартовая площадка уничтожена полностью, хорошо хоть ни кто не пострадал, но служебное расследование ведётся»

Вадим почесал затылок и опять начал строчить аккуратным подчерком последнюю часть работы, как он её рассчитывал. Формулы, графики и эскизы сыпались как горох, оседая на чистых листах. Вот была написана заключительная часть и поставлена последняя точка. Достав из стола чистую папку, Вадим вложил свою работу в неё и протянул её пол-

ковнику. Тот с достаточно удивлённым видом взял обе папки, открыл их и углубился в их изучение.

На это у него ушло более двух часов, после чего, он поднял ошарашенные глаза на Вадима.

– «Но, это же совершенно другое изделие. По моим прикидкам оно по всем параметрам процентов на двадцать должно перекрыть ТЗ. Я не понимаю, почему у вас изъяли вашу работу и даже не удосужились понять, что вы в неё заложили»

– «Этот вопрос не ко мне, я не более чем подчинённый»

– «Ладно, думаю, у кого-то скоро настанет время страшных сказок и тяжёлых вопросов. А сейчас, я вас попрошу пройти со мной, не беспокойтесь, не к нам в отдел, а в директорат, вы же сможете ответить на возникающие вопросы»

– «Хорошо, я готов пройти с вами, кстати, по дороге взгляну в отдел кадров»

– «Простите Вадим, а зачем вам кадры, вы уж простите за не скромный вопрос»

– «Всё просто, хочу подать заявление на увольнение. Здоровье подводит, хочу и вовсе уехать из Москвы»

Полковник внимательно посмотрел в глаза Вадима и покачав головой направился к выходу. Вадим собрался, оглянулся на место своего добровольного заточения и вышел. Через три часа, он зашёл в кадры и подал заявление. Начальник отдела кадров с удивлением глянула на него, отметила заявление и сказала, что он должен зайти в первый отдел. Рабо-

чий день закончился и Вадим, не заходя в бюро, отправился домой. Похоже, что жизнь перелистнула ещё одну страницу, его жизненного пути.

Глава 19

В субботу, он узнал о поездах, идущих в Братск, после чего зашел в контору, что занимается арендой квартир. В ней он сказал, что хочет в ближайшее время сдать свою квартиру на длительный срок. Его невыносимо тянуло к храму, да и хотелось бы напоследок почувствовать энергетику икон, да и самого храма. Неспешно он почти добрёл до храма, как был остановлен оцеплением. Местность вокруг храма, да и сам храм значительно изменились, в принципе в лучшую сторону, но вот эмоциональный запах тоже изменился, от храма несло гниющим эмоциями бомонда, правда, в потоке этой вони пробивались маленькие потоки приятно пахнущих эмоций. Вадим огляделся, толпа зевак, обсуждала приезд Президента, строя при этом такие бредовые предположения, что можно было дать виду от фантазий.

Найдя, знакомый оттиск чистых эмоций отца Фомы, Вадим коснулся их. В этот момент ему почудилось, что рядом отец Фома, с радостью, прошептал.

– «Вадим, это вы?»

Вадим оглянулся, да это ему только почудилось, желая узнать, как там сам отец Фома он опять коснулся его и снова услышал шёпот.

– «Вадим, где вы, я вас не вижу»

Отец Фома вместе с Патриархом, сопровождал Президен-

та и его друга в хоспис, когда ему показалось, что его коснулся Вадим. Остановившись, он осмотрелся, игнорируя вопросительный взгляд Патриарха, потом вздохнув, пошёл дальше. Патриарх, точно так же внимательно осмотрел дворик храма, не обращая внимания на взгляды бомонда, а потом с достоинством догнал посетителей. Отец Фома, пройдя ещё метров, пять опять замер, прикрыв глаза. Патриарх догнал его и тронул рукав его рясы, вопросительно глядя на него. Отец Фома прошептал.

– «Он где-то рядом, но не хочет ни с кем общаться»

– «Фома, вы уверены?»

– «Да, идёмте, догоним Президента, сейчас он излечит друга Президента. Думаю, вас это убедит в его силе»

– «Фома, я уже имел возможность познакомиться, так сказать с его „тёмной стороной“ Очень впечатляет, аж до больничной палаты»

Так с разговорами они догнали Президента, и подошли к входу в хоспис. Друг Президента с отдышкой остановился передохнуть. Президент с участием посмотрел на него и предложил посидеть пяток минут на скамейке, тот не отказался. Его лицо, то бледнело, то наоборот наливалось кровью. Оба священнослужителя стояли рядом с скамейкой, не смотря на предложение присесть. Патриарху, было тяжело это сделать, а вот отец Фома, стоял как бы погружённый в себя, как бы прислушиваясь к чему то внутри.

Вадим, слышал внутри себя монолог Фомы, благодаряще-

го его чудесное спасение от смерти. Рядом с Фомой, ощущались ещё три источника эмоций, сказать, что они были чисты как отец Фома, было бы неправдой. По шкале Вадима они были серыми, а их эмоции не имели запаха гнили, по крайней мере, он был неосязаем. Но от них исходила очень сильная энергетика людей дела, не бизнеса, а именно Дела. Именно такие становятся или правителями, остающимися в истории навсегда, или злодеями, точно так же отметившимися в истории. Правда один из них, полыхал пламенем как факел в тёмной ночи, другие, тоже были подсвечены, но совсем немного. Вадим чувствовал, обеспокоенность Фомы, в отношении этого источника. Вот они остановились и объятый пламенем источник, запылал ещё сильнее. Вадим вдруг увидел линию, объятую пламенем, готовую осыпаться невесомым пеплом.

Фома с тревогой глядел на друга Президента, было видно, что тому становится всё хуже и хуже. Он, продолжая задыхаться, полез в карман и достал ингалятор. Но его применение, увы не помогло. Становилось понятно что, дело плохо. В этот момент Фома почувствовал знакомый поток энергии, метнувшийся к больному и прикрыл глаза. По дорожке к хоспису, бежали врачи, сопровождаемые охраной. Бомонд, во дворике взволновался и качнулся в сторону сидящих на скамейке, но был осажен оцеплением. Когда Фома открыл глаза, он увидел что, ситуация кардинально изменилась, друг задышал ровно и глубоко, его лицо начало розо-

веть, а глаза до этого наполненные болью, вдруг просветлели и наполнились удивлением. Он руками стал ощупывать себя, потом встал, в этот момент до них добежали врачи и настойчиво усадили его обратно на скамейку и даже пытались уложить. Но тот, отмахнувшись от этих попыток, радостно что-то сказал Президенту. Тот, ответив, стал наблюдать за действиями врачей. Те, развернув мобильную реанимационную аппаратуру, стали проводить обследование. Прошло, наверное, минут тридцать, после чего старший из них встал и смущённо развёл руками.

Всё это время Фома, опять молился за Вадима, ведь случись что-нибудь по плохому сценарию, к храму народ не пошёл бы и на пушечный выстрел, а сейчас, самое время Патриарху выступить на авансцену. Фома не заметил, погружённый в свои мысли, что за ним очень внимательно наблюдал Президент, было видно, что он читает эмоции отца Фомы по мимике лица. Затем Президент переговорил с врачами, удивлённо приподняв брови, он пару раз переспросил их. Затем пожав им руки, отправил их обратно, после чего опять присел на скамейку. Итальянец начал тараторить, импульсивно жестикулируя руками, всю дорогу пытаясь схватить Президента за руку и пожать её. Президент что-то отвечая, попросил Патриарха подойти к ним. Когда он подошёл, Президент передал то что ему говорил итальянец. Было видно, что Патриарх изумлён и оглянувшись подозвал отца Фому.

– «Сын мой, я просто в затруднении, господин Сильвио изъявил желание перейти в святую православную церковь. Мало всего этого, он хотел бы что именно вы стали его пастырем. Он будет считать счастьем, быть прихожанином храма, находящегося под покровительством Бога. Как вы ответите, отец Фома?»

– «Церковь открыта для всех, а поэтому если будет соблюден устав, я готов наставлять господина Сильвио»

Президент внимательно смотрел на отца Фому, потом кивнув самому себе, спросил.

– «Ну а ещё одного прихожанина примете отче?»

Патриарх был просто поражён, случившимся. Как же так ведь раньше именно он окормлял всю верхушку, в частности при этом получая преференции, как для церкви, так и для самого себя. Мир начинал рушиться. В расстройстве он не услышал, что начал говорить отец Фома.

– «Господин Президент, я был бы польщён этим, но для блага церкви будет лучше если вы не оставите своего духовника, что вам помогал до сего времени. Поверьте, всё случившееся не от меня исходит. А просто приходить в храм, где вам всегда будут рады, будет много лучше»

Патриарх, услышав это ожил, всё же нельзя не отдать отцу Фоме, умён, ничего не скажешь. Но всё же хотелось бы встретиться с чудотворцем, но увы единственный канал – это Фома, а стало быть будем его пестовать. Хотя, тяжело будет с этим идеалистом. Но с этими мыслями он отвлёкся от про-

должения диалога с Фомой, а вопросы были интересные.

– «Отче, я вижу, вы знаете что происходит, но почему-то не хотите говорить об этом. Этому, наверное, должно быть объяснение»

– «Это не моя тайна, да и честно, поверьте, не стоит, право не стоит. Надо принимать это как данное и просить, что бы источник не иссяк»

– «Ну что же, отче, возможно, вы и правы, как бы не оказаться в роли кошки, которую погубило любопытство»

В это время на крыльцо хосписа выскочил служка.

– «Отче, ещё двое излечились, радость какая»

Вадим, вздохнув, повернулся и пошёл прочь. Он знал, что здесь где-то рядом Демченко, но это его не сильно волновало. Воскресенье Вадим провёл, в какой-то полудрёме, прерывавшийся только на выгул Фимки. За это время, он увидел, множество линий, стремящихся к нему. Некоторые пылали, от других тянуло смрадом смерти. Среди них были те, что сплетались с множеством других и поэтому казались очень толстыми. Отдельно просматривалась линия, что в субботу, чуть не сгорела, она немного посветлела и излучала не прикрытую радость. Но вот настал понедельник и когда он пришёл на работу, то попал в филиал Армагеддона в смеси с борделем. В бюро сидела комиссия, внимательно изучающая отчёты. Он взял бегунок и пошёл получать на нём визы, решив начать с отдела снабжения. Он принципе не общался с ними, а по роду работы, ни какой материальной от-

ветственности он не нёс.

Уже получив, почти все подписи, он зашёл в первый отдел. Как раз подошло время, назначенное ему через отдел кадров. Постучавшись, он открыл дверь, сидевший за столом мужчина перевернул бумаги, что читал. Поднял глаза и вопросительно посмотрел на Вадима.

– «Мне назначено на это время»

– «Вы Вадим? Вас ждут»

Он указал, на дверь, за своей спиной. Опять возвращаясь к своим документам, Вадим, недоумённо пожал плечами и проследовал к двери. Вежливо постучав, он открыл дверь и попал в небольшой кабинет. За столом сидел сам начальник первого отдела, в чине генерал-майора. Он, поднял усталые глаза на Вадима, в них мелькнуло узнавание. Точно так же как и раньше, молча он указал на пару кресел у журнального столика. И сам, поднявшись и захватив, пару папок направился туда же.

Глава 20

Присев, он подождал, когда устроится Вадим. Положив папки на край столика, предложил чай. Но Вадим решил, что в этом нет нужды.

– «Что вы хотели узнать. Давайте мы с этим закончим, я получу вашу подпись и пойду собирать подписи дальше»

– «Да, разве вам много осталось подписей? Вроде у нас и у руководителя вашего бюро, остальные на сколько я знаю, у вас в наличии. Или я не прав?»

– «Правы, но всё же, хотелось бы поскорее решить вопрос с вами»

– «Ну что же, коли вы настаиваете, попрошу посмотреть вот эти документы. А после услышать. Что вы можете сказать в отношении них»

Вадим взял первую папку, опять одно из дел что Николаев у него изъял. Быстро пролистав и найдя места, которые сводили всю его работу к нулю, он сделал выписки как это в документации и как это видел он. Генерал взял папку и листы с записями Вадима, и предложил просмотреть остальные приготовленные папки. Две другие папки были тоже незавершёнными работами Вадима. Пока Вадим готовил, такие же выписки и заключения по этим папкам, генерал внимательно изучил заключение Вадима, по первому вопросу. С каменным лицом он дождался окончания работы

и не ожидая разрешения, ухватил их и погрузился в чтение. Вадим же занялся последней папкой. Здесь было посложнее, эта работа была не его, поэтому у него постоянно возникали вопросы. Но как бы там не было, работа двигалась. Если бы разработчик, посмотрел бы на проблему, немного под другим углом, то моментально бы нарвался на решение, оно было единственным.

Вадим уже почти три часа в уме производил расчёты, пусть даже приближённые и устал просто неимоверно. И тут прозвучал вопрос.

– «Вадим, почему вы увольняетесь? Если из-за Николаева, вы же должны понять, что он был бессилён. Да я знаю, что он вам создал невыносимые условия, но согласитесь вы сами отказались, от этого места»

– «Вы путаете причину и следствие. Меня мучают боли, я хочу попробовать пожить в покое»

– «Вадим, мы знаем о проблемах вашего здоровья, но за последние полтора месяца, вы не употребили ни одной таблетки»

– «А почему вы решили, что я прекратил их принимать?»

– «Ну вы перестали покупать их. Да и на работе вы их тоже не употребляете, мы это установили точно»

– «В принципе это не важно. Даже если я просто не хочу здесь работать, это разве не может служить мотивом? Если у вас нет больше вопросов, я хотел бы получить подпись в „бегунок“ и закончить на этом»

– «Вадим, поймите, что вы невыездной и если вас, допустим, агитируют поменять место проживания и работы, то это бессмысленно. Вы просто не получите заграничный паспорт»

Мне стало смешно, почему все примеряют всех на себя. Ну что ему сказать, что все его потуги бесполезны, всё равно не поймёт. Я молча продолжал на него смотреть. Он вздохнул и встав, подойдя к столу достал две какие-то бумаги. Вернувшись, он положил их перед мною. Одна из них была подписка о неразглашении, прочитав её внимательно, я подписал её. Вторая была куда как интереснее, как важный свидетель-консультант, я был обязан являться по требованию к следователю. Получалось, что это подписка о невыезде, то есть я не мог уехать как хотел. Я посмотрел на генерала, а он развёл виновато руками.

– «Вадим, так нужно. Да и честно говоря очень много к вам скопилось вопросов»

– «А просто задать, без вот таких изощрений, не судьба?»

– «А вы бы ответили? Почему я так в этом не уверен?»

– «Попытка, не пытка, могли бы и попробовать. По крайней мере можно ведь будет проверить. Да и то что я и свидетель, и консультант, по-моему, создаёт некий логический тупик»

– «Кстати, у вас кроме нас осталась подпись ГИП бюро, я правильно понимаю?»

– «Да, но это что-то меняет? Николаев будет только рад

подписать обходной лист»

– «Вопросы, говорите? Ну вот попробуйте ответить, каким образом, ранее не блиставший знаниями и способностями, молодой специалист, вдруг ни с того, ни сего, вдруг выполняет работы, над которыми целое бюро билось почти год? Как вот сейчас, в течении трёх часов, вы закончили три своих работы? Ну допустим, вы готовы были их решить, но для проверки вам дали, работу которую вы видите в первый раз. И вы точно так же практически сразу её решаете, причём область знаний в этой работе никак не пересекается с вашим профилем. Ну и личный вопрос, вы знаете что рядом с вами очень трудно находиться? Вот я просидел с вами три часа и весь мокрый от пота. Почему рядом с вами ощущение как будто возле высоковольтной линии?»

– «А может работы были уже решены, пусть фрагментарно, но всё же, а мне осталось только упорядочить. Возможно, что и без меня эти решения были бы просто оформлены, но чуть позже. Что же касается последней работы, решение лежало на поверхности, просто у разработчиков „замылился“ взгляд, а поэтому взгляд просто проскальзывал, не цепляясь за очевидное. И всё же мне хотелось бы поймать Николаева, просто хочу закончить с этим делом»

– «Боюсь, что Вам будет сложно его поймать. Он уже пойман, сидит в камере и старается помочь следствию. Он попытался всё списать на Валентина Андреевича, но не сложилось»

– «Ну, это не важно, думаю другой назначенный исполняющий всё же подпишет мне „бегунок“. Ваши бумаги я подписал, поэтому разрешите мне пойти найти нового исполняющего»

– «Ну зачем вам его искать, вы же здесь»

– «О, нет, только не это. Меня, с трудом терпят в бюро, а тут это. Вы что хотите парализовать работу бюро окончательно, ведь ещё другие работы имеются. Вам что они не нужны?»

– «Вадим, Валентин Андреевич, очень просил вас, во-первых, не делать глупостей, во-вторых поддержать его, хотя бы временно взвалить на себя эту обузу. Ради этого он почти сбежал из больницы, правда опять оказался в реанимации. Ну что, как вы решите?»

– «Господи, ну за что мне это наказание? Вы хоть состав бюро видели? Что с ними можно сделать? Я понимаю Андреевич, тянул за всех, но так тоже нельзя, поэтому то он и в больнице. А тронуть никого нельзя, ветеран на ветеране и ветераном погоняет. Остальным и вовсе не буду давать оценку и этим бедламом вы хотите меня поставить руководить? Увольте. Бога ради»

Генерал посмотрел на меня, и покачав головой спросил.

– «Но помочь, выполнить остальные проекты, вы не откажетесь? Скажу вам, что в воскресенье провели пуск изделия по вашей схеме, всё сработало идеально. И по поводу состава бюро, я не совсем понял, что значит Валентин Андреевич

тянул за всех»

– «Год назад, Валентин Андреевич попытался отправить на пенсию семидесяти девяти летнего Гросмана и восьмидесяти двух летнего Равицкого. Те написали заявление в прокуратуру что их увольнение происходит по причине антисемитизма Валентина Андреевича. Начальник отдела кадров Сара Абрамовна Гольберг, когда её вызвали в прокуратуру, подтвердила, что не раз замечала такие проявления у Главного Инженера Проекта. В результате почти было возбуждено, уголовное дело против Валентина Андреевича, но, не знаю кто из директората смог уговорить этих граждан отозвать заявление, под гарантию продолжения ими работы. С тех пор, семьдесят девять процентов бюро, выполняет работы если на них соглашался этот триумvirат. Более того, хотя основные расчёты подготавливаются в двух экземплярах, я не видел ни разу второй экземпляр, они все куда-то пропадают. Есть и ещё момент, вот во втором моём проекте, внесены изменения, которые не могут быть ошибочными, эти изменения сознательны, а главное, что изделие взорвётся над стартовым столом на высоте тридцати метров, в точке откуда могут быть нанесены максимальные разрушения инфраструктуре. Вас это не удивляет? А почему все старты изделия неудачны? Почему расследование показывает, что неисправности разные? Так же не бывает, получается, что изделие одна большая неисправность»

По мере того как я это говорил генералу, его каменная

маска вначале дала трещину, а затем прорезалась растерянность в смеси с недоумением.

– «А почему Валентин Андреевич не обратился к нам?»

– «Да, а вам не кажется это абсурдом, что я вам рассказываю всё это, а не вы меня об этом спрашиваете. И по поводу обращения, с чем бы он обратился? Тем более его просто замотали, и занимаясь деталями, он просто был не в состоянии посмотреть на проблему в общем. А просто обратиться по поводу этих детей израилевых, чтобы опять получить обвинения в антисемитизме? Вот и крутился в одиночестве, Николаев даже близко не был помощью, там амбиции на царя, а вот умом, увы, максимум на техника и то с натяжкой, зато прожжённый бюрократ, сколько отчётов и докладов, распоряжений и приказов. Вот так, а вы спрашиваете почему»

– «Теперь всё становится на места, но остаётся вопрос как быть с вашим бюро? Всё же большой коллектив и расформировывать, а кто будет заниматься этими направлениями?»

– «Ну знаете ли, я мог бы сказать, что это ваши проблемы. Но, допустим вы поступите так, создаётся новый отдел без определённой направленности. Каждый из сотрудников бюро получает индивидуальное задание, соответствующее его официальному уровню, ну а далее, те кто не справится остаются в бюро, а остальные с имитацией выговоров переводятся в этот созданный отдел. По мере формирования коллектива отдела. Он начинает перехватывать задания бюро, то есть предприятие получает работоспособную структуру. По за-

вершении формирования отдела, бюро сокращается, люди увольняются по сокращению. Вот примерно так»

– «Однако! Интересный сценарий, а Вадим возьмётся за эту работу?»

– «На постоянной основе, однозначно нет, а до возвращения Валентина Андреевича, пожалуй»

– «Вот и замечательно, вам не стоит идти в бюро. Ступайте домой, а завтра прямо с утра зайдёте к нам, вам дадут все данные по помещениям и приказ на ваше назначение И.О. начальника отдела. И спасибо вам Вадим»

Глава 21

Вторник у Полины начался, омерзительно. Весь замок, что она строила, оказался из песка. Её ставка на Николаева оказалась проигрышной, сколько раз она его подзуживала на действия, всего то надо было подставить ГИПа, а самому проявить себя. Оказалось, этот ограниченный мужлан, ухитрялся испортить все её комбинации. Ей было плевать на то чем занято бюро, она надеялась, что Валентин Андреевич или уйдёт сам, или по состоянию здоровья и Николаев займёт его место. Она же станет ведущим инженером бюро. Как она завела этих двух старперов, они сами того не понимая, ей постоянно подыгрывали. А теплая дружба с начальницей отдела кадров, позволяла совершать упреждающие шаги. В общем весь её труд пошёл прахом, Николаев в СИЗО, ГИП болен, эти двое стариков просто замерли от страха. Но главное, начальница Отдела Кадров, была отстранена, поэтому, чего ожидать она не знала, она попыталась подкатиться к замше по кадрам, но та её послала почти «русским народным». Ещё бы, для того что бы подфартить Эмме Исхаковне, Полина высокомерно относилась к другим сотрудникам кадров. Раздражало и то, что она пропустила Вадима. Казалось, что он один из биомассы, что окружала её, но вдруг он как проснулся.

То, что он начал творить, никак не укладывалось в её схе-

мы. Одно то что все буксующие проекты бюро, были им решены за менее чем месяц, приводило в изумление. Ей ещё импонировало то что Вадим не истекал слюной, раздевая её глазами. Правда, находиться рядом с ним, была мука, да сладострастная, но мука. Так замёрзший человек сидит рядом с полыхающим костром, обжигаясь и при этом ощущая счастье. Но Николаев, почувствовав в нём конкурента наделал глупостей. Вот Вадим и подал заявление, а первый отдел видно сделал ему предложение, от которого тот не смог отказаться. Теперь Вадим стал И.О. начальника вновь создаваемого отдела и более того, этот отдел получил помещения в здании директората. Одно это давало понять, что на этот отдел возлагаются огромные надежды.

Вот поэтому Полина сидя за своим столом злилась, делая вид что занимается ещё одним скучным отчётом, полным непонятных цифр и ссылок. Два старых пердуна, уединились в углу, обложившись папками и в полголоса ругались друг на друга на их лающем иврите. Они, просматривая папки то и дело хватались то за сердце, то за голову. Остальные сидели тихо, уткнувшись в свои бумаги. Через час после начала рабочего дня, всех по очереди начали вызывать к техническому директору, оттуда они возвращались, озадаченные новыми заданиями, странно было то что задания были сугубо индивидуальными. Вот и Полина получила своё, за прошедшие три года с окончания института, её знания значительно ослабли и что бы решить задачу ей даже пришлось

день просидеть в библиотеке. Она и сама чувствовала, что задание достаточно простое, но решение вышло корявым.

Так прошла неделя, из бюро в новый отдел перевели троих и всё. Остальные или пытались решить поставленную перед ними задачу или замерли в ожидании. По прошествии недели стариков вызвали в первый отдел, откуда они отправились под домашний арест, с браслетами на руке. Гросман с инсультом почти сразу слёг в больницу, Равицкий правда, отделался гипертоническим кризом. Начальница отдела кадров оказалась во внутренней тюрьме ФСБ. Бюро просто колбасило, у всех в глазах поселился страх. На открывающуюся дверь, моментально устремлялись глаза всего бюро. Ещё через пару дней сообщили что Гросман скончался в больнице. Раньше бы всё бюро, начало бы скидываться на похороны, но сейчас, каждый старался отгородиться от остальных, опасаясь, что его могут привлечь в случае повторений арестов. И вот наступило то чего ожидали, всем сотрудникам бюро было вручено уведомление о сокращении по причине закрытия бюро. Это было катастрофой для Полины, потеря почти четырёх лет приводила её в исступление. Она попыталась найти себе место в других отделах, но места для неё не было. У неё создалось ощущение что люди просто шарахаются от сотрудников бюро, как от зачумлённых. Вот и пришлось идти на биржу труда.

Валентин Андреевич, выйдя из больницы, был поражён переменами в предприятии. Было ощущение, что над ним

дует свежий ветер, снося прежний затхлый воздух, да излечение было странным, вечером заснуть больным, а утром проснуться здоровым и полным сил. Но наибольшее недоумение вызвало то что, придя в бюро, увидел опечатанные двери. В растерянности он остановился. Если бюро закрыли и всех уволили, значит на него должен быть приказ в отделе кадров. В отделе кадров, он узнал о назначении на новое место работы и где располагается этот отдел и пошёл туда. Открыв, дверь он узрел знакомые лица, правда в значительно меньшем числе. В отделе царила деловая атмосфера, не было того ощущения болота, что он испытывал, заходя в бюро. Более того потоки энергии в помещении побуждали скорее погрузиться с головой в любимое дело. Валентина Андреевича заметили и с радостью поприветствовали, из дальнего угла поднялся Вадим и пошёл ему на встречу.

– «С выздоровлением Валентин Андреевич, мы очень ждали вас. Вы уж простите мы просто собрали все ваши вещи и перенесли. Так уж вы пожалуйста проверьте всё ли на месте. Если чего-то не хватает значит поищем в бюро, его опечатали до вашего возвращения. Ну а я сдаю вам пост»

– «Вадим пойдёте в кабинет и там вы мне расскажете всё, хорошо?»

Они вместе прошли в кабинет, где Вадим рассказал все перипетии произошедших событий. Больше всего Валентина Андреевича поразило, что Николаев, ради своих мелких интересов, гробил работу, не смущаясь, что могут при

испытаниях погибнуть люди. А действия «триумвирата» его и вовсе вогнали в ступор. Но потом он вдруг понял, что это всё осталось в прошлом, а теперь он может работать в полную силу, не ожидая ни от кого подножек. Одно только расстроило его, Вадим наотрез отказался занимать должность зама, предпочитая оставаться рядовым инженером. В общем то в отношении Вадима всё было совсем не просто, изменения, произошедшие с ним, не заметил бы, наверное, только слепой. Рядом с ним было и тяжело, и радостно. От него исходила энергия, заряжавшая окружающих уверенностью.

Было и ещё нечто, он мог увидеть проблему в комплексе и найти выход из тупиковых решений, раньше этого не наблюдалось. Знания, что он продемонстрировал явно не соответствовали знаниям простого выпускника ВУЗа. Они были, наверное, более академическими, но они не были оторваны от практики. Рациональность предоставленных им решений более соответствовала, опытному специалисту с многолетним стажем. И вот это его нежелание двигаться по служебной лестнице вверх, тоже удивляло, ведь молодёжь как правило амбициозна. Валентин Андреевич, всегда внимательно относился к коллективу, старался помочь всем чем может. Вот поэтому сразу заметил произошедшие с Вадимом перемены, честно он даже обращался в первый отдел с просьбой о дополнительной проверке, они пошли навстречу и негласно проверили Вадима. Все проверки подтвердили, что это действительно Вадим. Но что бы там ни было, надо было ра-

ботать, и Валентин Андреевич с головой окунулся в любимое дело.

Ночью, Вадиму снился очередной непонятный сон. Перед ним расстилалась ровная поверхность, но даже в начальный момент от неё тянуло какой то безнадёжностью. Он же стоял на дороге, неровной с рытвинами и сучьями, торчавшими из покрытия. Эти сучья обещали и царапины и даже раны. Вадим попробовал ступить на ровную поверхность, и она в тот же момент начала засасывать ногу. С великим трудом ему удалось вырвать ногу, и он опять остановился в раздумье. Что-то нашептывало что, то что засосет это не страшно, а вот путь по дороге будет из сплошных потерь, а поэтому не стоит сопротивляться Фатуму, предназначенному этому миру. Потом появился отец Фома, которого невидимые силы терзали на дороге, а образ Фомы на зыбкой поверхности погружался вглубь пучины с умиротворённым выражением на лице. Вадим собрался силами и шагнул по дороге вперёд. И сразу перед ним замельтешили чёрные отвратительные образы. Глянув на зыбун, он увидел себя, восседающим на троне, вокруг которого, хороводили люди размером много меньше, чем он и кричали здравницы. Но Вадим знал, что зыбун означает смерть и не только его, его стезя вот эта дорога.

Утром он опять проснулся весь мокрый от пота, Фимка сидя на кровати рядом с ним, скуля, вылизывал его лицо. Вадим встал, пошёл умылся. Выполняя эти рутинные действия, он пытался понять, что ему хотели сказать этим

сном. Собравшись, и потрепав Фимку по холке, он отправился на работу. Внутри зрело понимание, что надо всё же уходить с работы, чем он будет заниматься потом и на что жить, он не знал, но в этот момент это было для него не важно. Приняв решение, Вадим с лёгкой душой дошёл до работы. Там сев за стол, он опять написал заявление и подошёл к Валентину Андреевичу и положил заявление на столе перед ним. Валентин Андреевич, перечитал заявление, наверное, раза три, потом поднял глаза на Вадима.

– «Вадим, зачем?»

– «Так надо, вы просили дождаться вас, теперь прошу вас подписать»

– «Тебе не хватает зарплаты? Хочешь, я пробью тебе повышение? Ты нашёл что-то лучше?»

– «Дело не в деньгах, да и не искал я ничего. Просто я хочу уехать из Москвы»

– «Не понимаю, отдел создан тобой, ты первый из списка на моё место, когда я уйду на пенсию. Темы пошли одна интереснее другой, имеешь авторитет в директорате. И вдруг всё бросаешь, непонятно из-за чего. Вадим может ты с девушкой поссорился и хочешь просто убежать, но это ведь ребячество»

Я горько усмехнулся.

– «Нет у меня девушки, да и не было. Не пытайтесь понять мои мотивы, это просто бесполезно. Из страны я не сбегу, дал подписки о неразглашении, да и как мне сказали в пер-

вом отделе невыездной я. Возможно через какое-то время, я вернусь. А пока прошу вас подписать заявление»

Валентин Андреевич вздохнув, взял ручку, задумался и вывел свою подпись. Потом посмотрел на меня и опять вздохнув, протянул руку для прощания. Я пошёл опять в отдел кадров. Там меня попросили зайти в первый отдел, вот не было печали опять будут меня уговаривать и стращать. Правда, следствие закончилось, и у них не было возможности мне отказать. В первом отделе меня просто попросили хотя бы примерно указать, где меня можно буде найти. Я, грустно усмехнувшись, напел «мой адрес не дом и не улица, мой адрес родная страна», на что точно так же усмехнувшись, мне ответили «ищут пожарные, ищет полиция». И всё на этом, уже на следующий день я стал вольной птицей.

Глава 22

По истине, один переезд равен двум пожарам, вроде бы у Вадима и вещей то особенно не было, а гляди же ты, набралось на чемодан и рюкзак, да и ещё Фимка. Для очистки совести я сходил к храму, теперь все подходы тщательно охранялись, поэтому пришлось сбросить напряжение дистанционно, благо у храма были сотни страждущих. Как оказалось, меня стало хватать на несколько сотен больных. Понятное дело, если бы я прошёл к отцу Фоме, никто бы меня не остановил, но не хотелось оставлять след. Вот и пришлось устроить представление, а отцу Фоме отправить прощальный привет. Прошло ещё два дня, и купированный вагон поезда увёз меня в Братск.

За две недели до отъезда Вадима из Москвы, в кабинете Президента происходил разговор. Встретились двое, обладавших властью в России. За журнальным столиком помимо Президента, расположился и Патриарх, разговор был не простым. После того как Президент понял силу, которой владел Вадим, он был в шоке. Теперь понятны непонятные смерти криминала, а уж излечение произошло у него на глазах, не оставляя даже сомнения в чуде. А ещё как умный человек, он понял, такую силу нельзя поставить под контроль, с ней можно только сотрудничать. Но что бы сотрудничать, её вначале надо найти. Ну что же, в конце концов, у него есть

для этого обученные люди, из разряда тех, кому можно доверится.

Была и ещё одна проблема, храм, где он впервые отмечился чудодейственными поступками, стал Меккой, дошло до смешного, ярые русофобы вдруг безумно полюбили Россию. Этого мало, такого количества обращений по переходу в православную веру история не знала раньше никогда. Число приезжающих в Москву, ради того что бы, быть достойным получить избавление от болей, превысило разумные пределы. Число таких туристов давно перевалило за сотни тысяч. Но человеческая сущность неистребима, выросло и число Геростратов, задержанных ФСБ и полицией. Появились и джихадисты, как же урон правоверным был велик, вот и имамы посылали фанатиков, пока в это не вмешался сам чудотворец. Четверо трупов у храма и страшная смерть имамов, пославших фанатиков, отрезвила мусульманское духовенство. Они быстро вспомнили, что пророк Иса, у христиан Иисус Христос, почитаем в Исламе, а значит и божья благодать на мусульман распространяется.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.